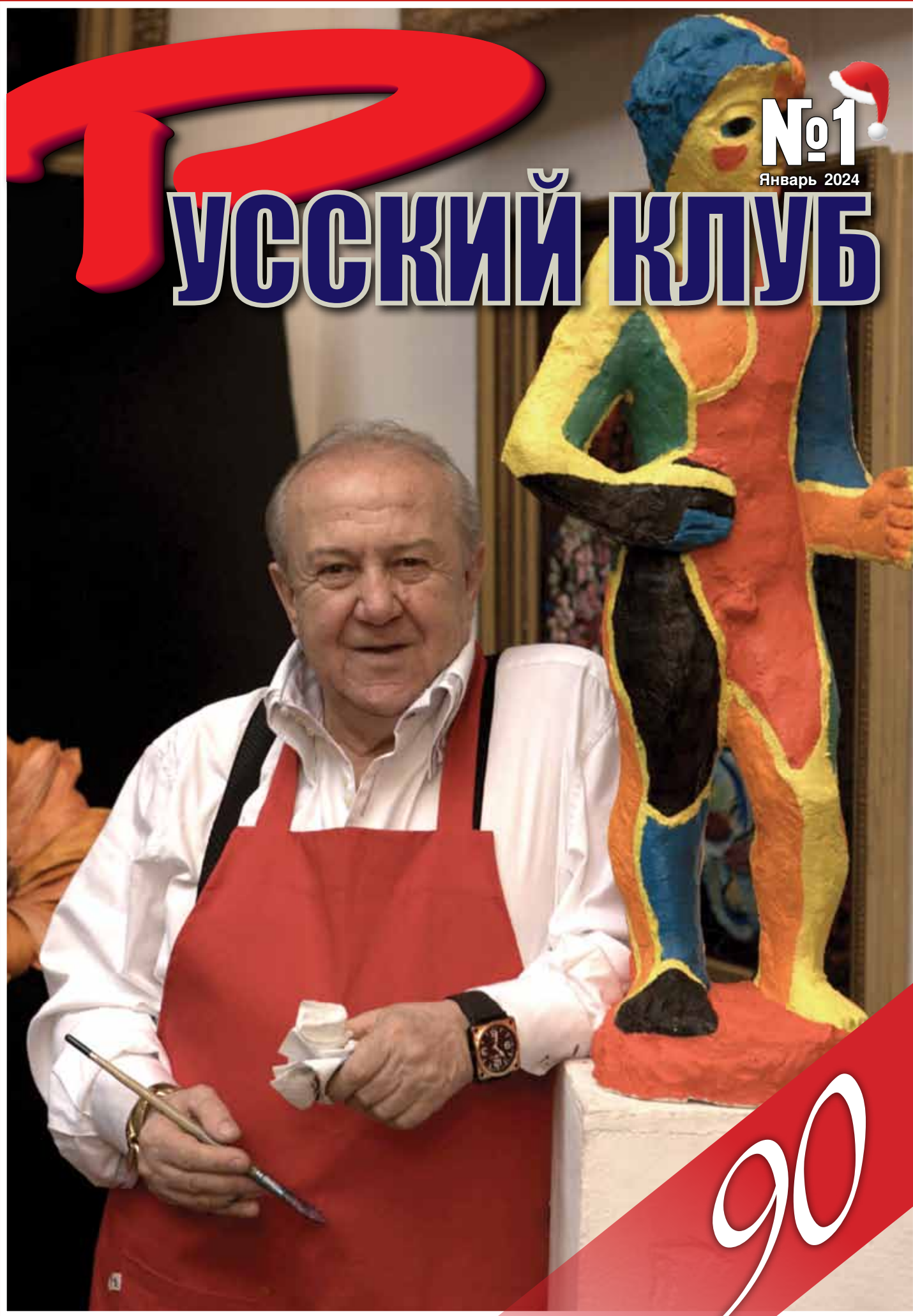

№1

Январь 2024

РУССКИЙ КЛУБ

90

Памятник Святому Георгию Победоносцу
работы Зураба Церетели
на площади Свободы в Тбилиси
Фото: Гога Чанадири

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Корректура
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Важа АЗАРАШВИЛИ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

Армения
Каринэ ХАЛАТОВА

Беларусь
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
Князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Заур КВИЖИНАДЗЕ
Елен ДОРИС

Франция
Граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№1
(218)
Январь 2024

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА

НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ЗУРАБУ ЦЕРЕТЕЛИ – 90!
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
- 12 «ВО СТОЛИЦЕ ЯРМАРКА...»
ЮЛИЯ ТУЖИЛКИНА
- 14 ЭТИ ПРЕКРАСНЫЕ «БАБОЧКИ» ГРУЗИНСКОГО КИНО...
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 19 ОН ВСЕГДА БЫЛ ПРАВ
ЛАНА ГОГОБЕРИДЗЕ
- 20 «ЕЩЕ НЕ ВСЕ СНЯТО...»
НОДАР НИКУРАДЗЕ
- 26 УЛЫБКА ПАРАДЖАНОВА
ВАЛЕРИЙ ХАРЮТЧЕНКО
- 30 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 36 «А ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО...»
НИНА ШАДУРИ
- 40 «NIAVI» – ЛЕГКИЙ ВЕТЕРОК...
АННА БЕРДИЧЕВСКАЯ
- 42 СЧАСТЬЕ ИЗ ЛОСКУТКОВ
АНАИДА ГАЛУСТЯН
- 46 МНОГОГРАННЫЙ ТАЛАНТ МАСТЕРА
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 49 ФИЛОСОФИЯ ОДНОГО КАДРА
- 51 ГРУЗИНСКИЙ БРАТ МЮНХГАУЗЕНА
ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ
ПЕРЕВОД КАМИЛЛЫ МАРИАМ КОРИНТЭЛИ

На обложке – ЗУРАБ ЦЕРЕТЕЛИ

Роб АВАДЯЕВ

ЛЕГЕНДА СЦЕНОГРАФИИ

В самый предновогодний день 31 декабря 1908 года по старому стилю, а по-новому 13 января 1909-го, в Тбилиси родился Симон (Солико) Багратович Вирсаладзе – выдающийся грузинский театральный художник. Впоследствии он станет Народным художником Грузинской ССР и Народным художником СССР.

Он учился в Тбилисской академии художеств и в Ленинградской академии художеств. И совсем молодым в 1927 году начал работать художником в Тбилисском рабочем театре, затем в Тбилисском театре оперы и балета. И еще не достигнув возраста двадцати пяти лет, невероятно одаренный и талантливый Вирсаладзе стал главным художником Тбилисского театра оперы и балета, где проработал с 1932 по 1936-й, и с 1941 по 1945 годы. Его постановки произвели на специалистов большое впечатление, и в 1937 году он был приглашен в знаменитый Ленинградский театр оперы и балета. Как главный художник он проработал в нем в 1940-41 годы и в 1945-1962 годах Вирсаладзе, ставший признанным мэтром, оформлял спектакли в театре имени Руставели в Тбилиси, а также создавал эскизы костюмов для многих программ Ансамбля народного танца Грузии. Но мировую славу Симон Багратович нискал, став ху-

дожником-постановщиком всех балетов Юрия Григоровича в Большом театре. Он прожил большую и яркую жизнь настоящего творца, создателя прекрасных театральных образов.

ДИКТАТОР ОТ СОХИ

Слово «диктатор», как известно, имеет в истории довольно негативный смысл. Но в Древнем Риме, где оно появилось, так назывался особый чиновник-руководитель, который в экстраординарные времена суровых испытаний должен был возглавить страну и в течение полугода, не больше, выправить опасную ситуацию. На это время отстранялись от власти законно избранные два консула – ежегодно избираемые своеобразные президенты Римской республики, а все преторы, квесторы и прочие магистраты обязаны были беспрекословно подчиняться любым указаниям диктатора, какими они бы ни были. Даже плебейские народные трибуны не имели права вето. И более того, по истечению отведенного срока, бывший диктатор законодательно не подвергался никаким санкциям за все, чего бы он ни совершил за время своей диктатуры, включая кровавые дела. К слову сказать, назначение диктаторов Сенатом было очень не частым и только по очень важным поводам. Диктаторы спасали страну от нападения врагов, отстраивали города, мосты, дороги и акведуки после природных катаклизмов, боролись с пиратами на морях. Но какие бы важные дела ни делались, они обязаны были их завершить строго в шестимесячный срок и ни днем дольше. Люди просто выполняли работу и уходили в частную жизнь. В ранние годы Римской республики такое поведение было образом добродетели и простоты. Это потом, спустя много сотен лет, Рим стал ленивым, изнеженным любителем роскоши. Но в славной истории его первых веков были свои герои, которым старались подражать. Их ставили в пример молодым поколениям. И одним из идеалов раннего Рима был простой крестьянин, оставивший плуг, чтобы возглавить войско, спасший отечество и после этого возвратившийся к своей земле. Представьте себе, он оставался диктатором всего две недели. Звали его Луций Квинций Цинциннат. Когда Сенат его призвал в 458 году до н. э., этот человек пахал свое поле в одной набедренной повязке – в этот день стояла несусветная жара. Но пока жена не принесла ему парадную тогу, Цинциннат не соглашался выслушать сенатского гонца. Указ Сената гласил: отправиться к

войску, вступить в командование им, разбить врагов и уложиться в шесть месяцев. Цинциннат кивнул, сел на коня и поскакал совершать ратные подвиги. Вражеские племена эквов и вольсков были им разбиты в считанные дни, и Цинциннат, невзирая на уговоры Сената и народа Рима, отправился завершать сельхозработы, сообщив, что иначе его семья будет голодать. Такой вот пример отличного руководства, гражданской добродетели и скромности. Очень был принципиальный человек. Круто, да? Но история уж слишком напоминает приукрашенную легенду. Ведь в архаическом Древнем Риме крестьянина (т.е. плебея) никогда не избрали бы диктатором. И Цинциннат не был никаким крестьянином, а происходил из древнего уважаемого патрицианского рода Квинкциев Цинциннатов. Более того, этот опытный военачальник даже был непримиримым противником плебеев и сопротивлялся уравниванию их с патрициями. Просто в его жизни случилась крайне неприятная история, которая объясняет внезапную бедность Цинцинната. Один из его сыновей Кезон Квинкций, как бы сейчас сказали, взятый мажор, был скандалистом и бузотером. Он ввязался в заговор с целью свержения законной власти и был арестован. Десять известных патрициев тут же внесли за него выкуп по по 3 тысячи ассов – единиц тогдашней валюты, чтобы сына уважаемого человека отпустили на поруки. А безответственный юнец попросту сбежал к врагам города и с вооруженными друзьями поднял мятеж, в котором сложил буйную голову. История позорная, отца сынок подставил. Пришлось Цинциннату вернуть за него огромный долг в тридцать тысяч, продав все, чем владел, удалиться в бедную хижину с семьей и оставшимися рабами и крестьянствовать в поте лица, чтобы прокормиться. Так-то. Но уважение Рима опытного военачальника, как вы поняли, сохранил, и даже был еще раз призван в диктаторы через пару десятков лет, чтобы утихомирить нелюбимых им плебеев, нехотевших бунт. Кстати, консулом Цинцинната тоже разок избирали в 460 году до н.э. Крупный американский город Цинциннати был назван в честь первого президента США Джорджа Вашингтона, которого называли новым Цинциннатом за скромность.

КОММУНИЗМ Я СТРОЮ ЛОМОМ И ЛОПАТОЙ

Кто не знает стихотворения «Я спросил электрика Петрова: Для чего ты намотал на шею провод?»? Все знают и небось думают, что это народное творчество. А ведь это написал вполне реальный человек — чудный и непростой питерский поэт трудной судьбы. Его звали Олег Евгеньевич Григорьев. Жил он бедно, скудно и шумно. Имел непримиримые противоречия как с «серыми буднями» советской действительности, так и с самой бывшей российской властью, хотя против нее Григорьев вовсе не выступал, а только насмешничал. Трезвым он был реже, чем не очень. В подпитии Олег был громок и скандален, за что частенько бывал этой самой властью не одобряем и даже судим на полном серьезе. Имел два срока за тунеядство и дебоширство в пьяном виде. В первый раз был на два года отправлен на принудительные работы в Вологодчину на стройку комбината, о чем написал известное четверостишие:

С бритой головою,
В форме полосатой,
Коммунизм я строю
Ломом и лопатой.

А во второй раз на излете СССР попал под суд за сопротивление милиции. Но за него активно заступились многие видные люди — Успенский, Ахмадулина, Андрей Битов, друзья — художники-«Митьки», члены Союзов композиторов и писателей. Григорьева любили и ценили. А издатель Ольга Ковалевская даже специально выпустила сборник его

стихов перед самым процессом и раздала судье, прокурору и заседателям. В итоге Олега отпустили, ограничившись «двумя с половиной годами условно». Официально Олега Григорьева считают детским поэтом, хотя коллеги, а в особенности знаменитый и влиятельный Сергей Михалков, его категорически не признавали и отказали ему в приеме в Союз писателей. Туда его приняли уже после перестройки, за полгода до смерти. Слыхом уж несерьезными казались тогдашним мастерам его строки. Хотя Олежек, как называли его друзья и соседи, и был мало управляемым, в минуты трезвости

это приятный, интеллигентный, начитанный и эрудированный собеседник. И, кроме ехидных стихов, писал даже своеобразно лиричные. Вот его строки, посвященные своей супруге:

Жену свою я не хаю
И никогда не брошу ее.
Это со мной она стала плохая,
А взял-то ее я хорошую.

Прожил Олег Григорьев немного, осталось от его творчества еще меньше. Писал он неровной рукой на случайных листках и смятых пачках от сигарет. После его смерти друзья собирали их по знакомым, где он эти каракули подчас забывал. А одну розовую тетрадку с его черновиками спас сосед, найдя ее у мусорки и сохранив. В народ ушли его насмешливые строчки, которые породили знаменитую серию «садиستских стишков» 70-80 годов:

Прохоров Сазон
Воробьев кормил,
Бросил им батон —
Десять штук убил.

И «мальчик на свалке нашел пулемет» — это тоже Олег, а вот «недолго мучилась старушка в высоковольтных проводах» и многое-многое другое написал уже не он, а питерские музыканты-хиппи и их бесчисленные последователи. А если серьезно, то творчество Олега Григорьева специалисты считают полноценной поэзией и соотносят с обэриутами Хармсом и Введенским, а также Николаем Олейниковым, Глебом Горбовским и Николаем Глазковым. При жизни Григорьева было опубликовано только некоторое число детских стихов. А еще по по его поэме снят мультфильм «Витамин роста» и даже композитором Леонидом Десятниковым написана... опера! В последнее время вышло несколько его красочно оформленных книг, в том числе в переводах на немецкий и на французский языки. И вот вам еще в заключение его строки:

Текут в поднебесье
звездные реки.
Очень красиво... Это да!
Однако холодно быть человеком,
Если ты сам
среди звезд не звезда.

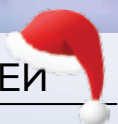
ИЗОБРЕТЕНИЕ ФОТОГРАФИИ

Почему-то многие думают, что фотографию изобрел один человек — Луи Дагер. На самом же деле, задолго до него многие пытались закрепить изображение на бумаге или пластинке. И за века нашлись составные части того, что позволило этому свершиться. Первые фотоизображения получил не Дагер, а Жозеф Ньепс за почти два десятка лет

до Дагера.

А вначале была камера-обскура — то есть темная малюсенькая комната (или ящик) с дыркой в одной стене и экраном на противоположной, где появлялось изображение чего-либо вверх ногами. Его можно было просто обвести и получить симпатичный рисунок или набросок для последующей картины. Камерой-обскурой частенько пользовались художники типа венецианца Каналетто и, как подозревают, его не брезговал даже великий и гениальный Ян Вермеер. Она была широко распространена и даже усовершенствована — дырку оснастили линзой, создав своеобразный объектив. И почти сразу у многих пытливых умов появилось желание попробовать сохранить полученное на стене изображение без всякого рисунка. Так была поставлена задача, а это, как говорят изобретатели, полдела. В 1725 г. Иоганн Шульце доказал, что если солнечные лучи будут попадать на серебряную соль, то она будет темнеть. В конце XVIII века Том Веджвуд даже создал фотоаппарат, но изображение быстро исчезало. То есть проявитель изобрели, а закрепитель пока нет. А вот первое стойкое изображение в двадцатых годах XIX века получил-таки Жозеф Ньепс на оловянной пластинке, покрытой тонким слоем сирийского асфальта. Но секрета он не стал раскрывать, и Британская академия его доклад о изобретении не приняла. А раскрыл свои тайны Ньепс своему приятелю и коллеге Дагеру, и тот принял за дело. Он нашел способ закрепления изображения поваренной солью, и это было названо дагерротипией. И вот наконец 7 января 1839 года на заседании двух французских академий — Наук и Изыщных искусств был сделан доклад о способе Дагера и предъявлен первый портативный фотоаппарат весом 50 кг с пластинами размером 16,5x21,5 сантиметра. Стоило это чудо техники 25 тысяч тогдашних долларов, а пластины шли по 5 франков. И, представьте, тут же нашелся покупатель. Вот так была изобретена фотография!

ЗУРАБУ ЦЕРЕТЕЛИ – 90!

Можно ли измерить величину таланта, глубину гениальности или градус страстной приверженности своему делу? Нет. Не ограничивая себя стилями, жанрами и материалами, великий художник-монументалист, скульптор, живописец, педагог Зураб Церетели продолжает творить – просто творить, пока Бог дает силы с любовью делать то, к чему лежит душа, и, вопреки всем и вся, оставаться Художником, не теряя в себе Человека.

4 января 2024 года Зурабу Константиновичу исполняется 90 лет. К этому знаменательному юбилею журналист **Анастасия Хатиашвили** собрала 90 фактов о жизни и творчестве грузинского гения – по одному на год.

- 1 Зураб Церетели родился 4 января 1934 г. в Тбилиси. Отец, Константин Церетели, авторитетный инженер-строитель, происходил из древнего княжеского рода. Мама, Тамара Нижарадзе, тоже была представительницей знатной аристократической фамилии.
- 2 Первым кумиром и проводником маленького Зураба в мир изобразительного искусства стал его дядя – живописец Георгий Нижарадзе. В его доме собирались маститые грузинские художники – Давид Какабадзе, Серго Кобуладзе, Уча Джапаридзе... «Дядя был высокий, красивый мужчина, – вспоминал Церетели. – Когда шел по улице, женщины оборачивались, заглядывались, столбене-
- ли. Он давал мне первые уроки рисования. Я мечтал, если стану художником, буду красивым, как дядя! Художником стал, а остальное не получилось».
- 3 В 1952 г. Зураб поступил на факультет живописи Тбилисской академии художеств. Его учителями были Уча Джапаридзе, Аполлон Кутателадзе, Василий Шухаев.
- 4 «Таких рисовальщиков, как Шухаев, в России больше нет», – утверждает Церетели и вспоминает: «Когда заканчивались уроки по расписанию, Шухаев мне и Тенгизу Мирзашвили давал личные часы. И мы выполняли такое задание: стояла обнаженная натурщица, мы могли на нее взглянуть, потом пово-
рачивались спиной и по памяти рисовали».
- 5 В 1958 г. он женился на Инессе Андроникашвили. Через год у Зураба и Инессы родилась дочь Лика.
- 6 Дипломная работа Зураба «Песнь о Тбилиси» не была допущена к защите за «формализм». Церетели срочно пишет портрет одного из своих друзей, и картину под названием «Портрет спортсмена» допускают к аттестации. Диплом, написанной за неделю, Церетели защищает на «отлично».
- 7 Окончив академию, он работал художником в Институте истории, археологии и этнографии Академии наук Грузии. В круг его обязанностей входило

участие в археологических и этнографических экспедициях, учет собранных материалов и подготовка иллюстративной части исследований.

8 В 1963-1964 гг. Церетели работал старшим мастером оформительского цеха Тбилисского художественно-производственного комбината Художественного фонда Грузии. Возглавлял монументальную секцию Союза художников Грузии.

9 В 1965-1967 гг. стал главным художником курортного комплекса в Пицунде, где создал поразительные мозаичные стелы и скульптурно-пространственные композиции. О его таланте заговорили всерьез.

10 В 1967 г. стал главным художником курортов Грузии, оформлял курортные комплексы в Гагра, Сухуми, Боржоми.

11 В 1968 г. Церетели посетил мастерскую Пабло Пикассо в Париже. «У этого молодого художника хорошее начало, – заметил Пикассо. – Он глубоко чувствует цвет, обобщает форму. Мне кажется, он будет великим живописцем».

12 «Пикассо и Шагал повлияли на меня своим индивидуальным отношением к творчеству, – вспоминал мастер. – Они не похожи ни на кого. В СССР учили так, чтобы все были друг на друга похожи. Постоянно звучало слово «не положено». Считалось, если ты живописец, то занимайся только живописью, если скульптор – скульптурой. А когда я познакомился с Пикассо и Шагалом, то увидел: они, живописцы, делают и скульптуру, и графику, используют в работе самые разные материалы. Это меня вдохновило и убедило в правильности моего пути».

13 В возрасте 39 лет Церетели стал автором курортного комплекса в городе Адлер. Там он создал объемные мозаики в технике трехмерных скульптурных композиций. Инновационная методика принесла скульптору международное признание. Давид Альфаро Сикейрос, который специально посетил Адлер и Тбилиси, чтобы посмотреть панно Церетели, заявил: «Я утверждаю, что он вошел в не-

объятные просторы искусства будущего, искусства, сочетающего скульптуру с живописью. Его творчество вышло из национальных рамок и приобретает международное значение».

14 Сикейрос пригласил Зураба Церетели к совместной работе над созданием детского городка в Мексике. К сожалению, проект не был реализован – Сикейрос скончался.

15 Талант и завидное трудолюбие делали свое дело. В 1970-1980-е Зурабу Церетели присуждены Государственная, а вскоре Ленинская премия СССР. Он становится главным художником МИД СССР, главным художником Олимпиады в Москве. Получает звания народного художника Грузии и народного художника СССР.

16 В 1979 г. в Брокпорте (США) открылся монумент «Счастье детям всего мира», посвященный Специальным олимпийским играм. Весь свой гонорар Церетели передал в фонд помощи детям-инвалидам.

17 В начале 80-х в Москве установили монумент «Дружба навеки». Памятник состоит из букв грузинского и русского алфавитов. Церетели посвятил свое творение 200-летию Георгиевского трактата. Архитектором выступил поэт Андрей Вознесенский.

18 В 1980-м Церетели начинает в Тбилиси 30-летнюю работу над монументальным комплексом «История Грузии» (или «Летопись Грузии», или «Хроники Грузии») – это одно из самых впечатляющих творений Церетели, которое называют грузинским Стоунхенджем. Основная часть комплекса состоит из 16 квадратных колонн из меди, бронзы и камня, высотой в 35 метров каждая: в нижней части колонн изображены сюжеты из Библии, в средней – грузинские святые, цари, поэты, полководцы (всего их – 64), в верхней – сцены праздников, ртвели, сбора урожая. Монумент поражает своей масштабностью – никакая фотография не в состоянии передать его величия.

19 В 1988 г. в своей мастерской в Тбилиси Зураб Церетели напи-

сал портрет «Железной Леди» – премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер. С натуры.

20 В 1989 г. в Лондоне установлена скульптурная композиция «Разрушить стену недоверия».

21 В 1997 г. в Москве был открыт монумент «К 300-летию Российского флота», или «Петр Первый». Его высота – 98 метров. Реакция общества была противоречивой. Некоторые высказывали мнение, что сооружение не вписывается в архитектурный стиль района. Недовольные вандалы даже пытались взорвать памятник, но правоохранительным органам удалось предотвратить инцидент. СМИ отмечали, что памятник является видоизмененной статуей Христофора Колумба, которую Зураб Церетели планировал установить в США в 1992 г. к 500-летию открытия Североамериканского континента, однако сам скульптор опроверг эту информацию.

22 В 1997 г. Церетели избирают президентом Российской академии художеств, в 1999 г. он основывает Московский музей современного искусства и становится его директором, а в 2001-ом открывает Галерею искусств своего имени – собственный персональный музей.

23 В 1999 г. Церетели завершает работы по воссозданию Храма Христа Спасителя.

24 В 2002 г. в Риме появился памятник Николаю Гоголю авторства Церетели. Рим был одним из любимейших городов писателя. Здесь он работал над первым томом «Мертвых душ». Памятник установлен в центре города на вилле Боргезе, напротив Музея современного искусства.

25 20 лет назад Зураб Церетели предложил начать всемирную борьбу со СПИДом, используя силу искусства. Он создал монумент, который был передан в дар ЮНЕСКО: лента, образующая кольцо и завязанная узлом, на фоне которой предстают фигуры Адама и Евы. Планировалось установить копии этого памятника в различных странах. Однако, несмотря на благо-

склонное отношение ЮНЕСКО к творению Церетели, места установки так и не были определены, и монумент остался в музее.

26 В 2006 г. в городе Байон в штате Нью-Джерси открыт монумент «Слеза скорби» – памятник жертвам теракта 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке: бронзовая плита весом 175 тонн и высотой 30 метров с помещенной внутри титановой слезой в бронзовой оправе.

27 Спустя три года скульптор установил во дворе музея Фаберже в Баден-Бадене трехметрового медного зайца – увеличенную в тридцать раз копию серебряного зайца, изготовленного Фаберже.

28 Церетели обожает Францию, и это разделенная любовь. Он – офицер французского Ордена Искусств и литературы, кавалер Почетного креста «Комбатан волонтер» Ассоциации ветеранов французского Сопротивления, член-корреспондент Академии изящных искусств Франции, обладатель высшей награды Парижа – медали Вермей. В феврале 2010 г. скульптор был удостоен высшей награды Франции – ордена Почетного легиона. Говорят, президент Николя Саркози выделил награду из своего личного запаса крестов – в знак особой благодарности Церетели за его заслуги перед страной.

29 «Я всегда встаю в хорошем настроении, – говорит Зураб Константинович. – Отец мой, когда вставал, пел. Это и мне передалось. Открываешь глаза – и столько поводов для радости, вай! Чудесная природа, красивые люди рядом».

30 В 2012 г. в Тбилиси Церетели открыл Музей современного искусства – MoMa Tbilisi. В его экспозиции около 500 экспонатов.

31 Невероятная потребность творить и работать с неугасимой страстью – главная черта и одна из сильнейших сторон натуры Зураба Церетели.

32 Не менее ценное качество художника – отдавать свои

силы и время тем, кто в этом нуждается. И получать от этого истинное удовольствие. А еще Церетели очень трогательно относится к дружбе: поддерживает друзей, любит доставлять радость близким, а порой и устроить праздник для коллег. «У меня такой характер: когда что-то у друзей не клеится, я так себя чувствую, как будто сам виноват», – говорит он.

33 «У меня была дача в Гульрипи, – вспоминает Церетели. – Я дружил с Вознесенским, Евтушенко, и они приезжали ко мне туда, разговаривали там с Богом, и писали стихи. Евтушенко так там понравилось, что он рядом построил себе дом. Еще помню, рисую и вдруг слышу, что кто-то громко говорит неподалеку. Выхожу во двор – стоит красивая барышня, а Андрей ей стихи читает. Чудо! Окружение, хорошие люди и природа вдохновляют».

34 Зураб Церетели активно проводит мастер-классы для детей и молодых художников. Несмотря на то, что он предъявляет высокие требования к ученикам, ожидая от них отличного владения технологиями и профессионализма, Церетели – понимающий и восхищающийся педагог. Он и учит, и сам учится у своих учеников.

35 Кстати, Церетели никогда не останавливается на достигнутом: обладая высочайшим мастерством, он постоянно продолжает осваивать новые методы литья, эмали, мозаики, гобелена.

36 «Не считаю себя великим, – говорит Зураб Церетели. – Я не гений, а прораб. А камертоном моих произведений станет время».

37 Многие замечают, что в работах Церетели много детского, наивного и простодушного. Кажется, что выдающийся художник в душе – ребенок. А ведь сохранить внутри себя ребенка – одна из самых мудрых черт человека.

38 Христианство – один из главных мотивов, которым пронизаны произведения маэстро. Церковное искусство является

для него неисчерпаемым источником. В своих произведениях Церетели претворяет древние традиции в новых материалах – в изобретенной им объемной эмали или в бронзовых иконах-рельефах храма Святого Георгия на Поклонной горе.

39 В детстве Зураб проводил лето у бабушки, в селе Губи в Западной Грузии. «Бабушка брала меня в лес и тихо рассказывала вещи, которые были под запретом, – вспоминал художник. – Например, говорила: «Запомни: когда ударили тебя по одной щеке, подставь другую». Мне непонятно было тогда, что она имеет в виду. Понял гораздо позже. Она же открыла мне главный закон: надо любить Бога и ближнего. А крестик, который надела на меня бабушка, я ношу до сих пор».

40 Художник очень хочет, чтобы ученые изучили мозги художника, природу творчества – откуда приходят новые идеи, как появляется вдохновение. «На земле иногда рождаются люди, испытывающие потребность создавать произведения искусства, – отмечает Церетели. – Вот я встаю утром и сразу начинаю работать, не могу иначе. Потому что хочу что-то создать. Композиторы говорят, что сперва «слышат» свою музыку, а потом ее записывают. И я так работаю: вдохновение приходит свыше, потом сама собой рождается картина или скульптура».

41 В 2018 г. в фойе Тбилисского государственного русского театра им. А.С. Грибоедова открылся памятник Александру Грибоедову, который создал и подарил театру Зураб Константинович. «В Грузии к Грибоедову относятся с особым трепетом, – подчеркнул маэстро. – И для меня это очень важная фигура. Мне очень хотелось подарить этот памятник родной стране. Теперь он стоит в Тбилисском драматическом театре. Спектакли по произведениям русских писателей там ставили еще в середине XIX века. К сожалению, я сам не смог приехать на церемонию открытия, но приехали мой внук и мой помощник. Надеюсь, что подарю своей родине

еще много произведений».

42 В числе творений, подаренных Зурабом Константиновичем Грузии, — памятник «Святой Георгий Победоносец», памятник «Равноапостольная Нина, просветительница Грузии», памятник актеру Рамазу Чхиквадзе, скульптурная композиция «Мимино», монумент «Человек и солнце», монумент «Узы дружбы» (снесен в 1991 г.), монументальный комплекс «Хроники Грузии» и целый ряд других.

43 Много лет назад группа ученых безуспешно пыталась организовать издание научного наследия Георгия Читая. Поиски финансирования продлились 15 лет. Наконец ученые обратились к Зурабу Церетели. Положительный ответ последовал молниеносно. И в свет вышел пятитомник трудов великого грузинского этнографа.

44 Легендарный художник Борис Ефимов, один из Кукрыниксов, к старости почти ослеп. В том, что он вновь увидел свет, — заслуга Церетели. Он нашел хирургов, решившихся прооперировать больного в преклонном возрасте, оплатил операцию и Ефимов встретил свое 100-летие зрячим.

45 «Работать и работать, создавать! И отдавать больше, чем получать. Я всю жизнь отдаю больше, чем получаю, — так меня воспитали», — говорит скульптор.

46 На вопрос, кем он себя больше чувствует, грузином или русским, Церетели отвечает: «Я мужчина. Я сильный человек. Но когда слушаю грузинскую музыку, на глаза наворачиваются слезы. А в литературе для меня вершина — «Витязь в тигровой шкуре». Он не делает различия между грузинами и русскими. Друзей выбирает по таланту и широте души. В сотрудники берет по мастерству и умению быстро принимать решения.

47 Среди творений Церетели — множество натюрмортов с разными цветочными композициями. Всех их отличает колоритное изобилие, густая объемная живопись. Подобные натюрморты,

как отмечает сам художник, являются для него своего рода тренировкой, упражнениями для развития восприятия цвета, решения той или иной технико-колористической задачи.

48 Любимые цветы Церетели — подсолнухи. В них раскрывается его жизнеутверждающая философия, торжество цвета, света, добра. Художник, как подсолнух, черпает силы из тепла и энергии Солнца. Он убежден: «Солнца много не бывает».

49 «Если вы будете рисовать, я даю вам слово, что у вас морщин меньше будет», — любит повторять Зураб Церетели.

50 «Добро побеждает зло» — облаченное в бронзу торжество справедливости. Монумент открыт перед зданием ООН в Нью-Йорке к 70-летию международной организации. В композиции Георгий Победоносец попирает копьём дракона. Но дракон не простой, а из деталей настоящих американских и советских ракет — «Першинг-2» и СС-20. Скульптура, задуманная как символ окончания холодной войны, увековечила подписание в 1987 году Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности.

51 «У каждого художника вдохновение приходит по-разному, — рассуждает Церетели. — Меня всегда радуют новые впечатления, творческие люди в разных странах, я смолоду не сидел на месте, у меня характер такой. Может быть, когда-нибудь и выберу город, запрусь там, в мастерской, и все. А пока я все время в движении, я ищущий человек».

52 У Церетели нет кумиров, но он признается в своей преданности великим художникам — Пикассо, Матиссу, Ван Гог и Модильяни. И, разумеется, родному и любимому Пиросмани.

53 Скульптурная композиция Церетели из цикла «Любимые художники» называется «Пиросмани и Руссо». Француз Анри Руссо и грузин Нико Пиросмани изображены в окружении героев своих картин. Они объединены в одну композицию не случайно: оба самоучки, оба

представители «примитивизма». А самое главное — Зураб Церетели считает их своими учителями.

54 Одно из самых знаменитых творений Церетели — галерея скульптур выдающихся женщин. Монумент Зое Космодемьянской был передан автором подмосковной Рузе в год 90-летия со дня рождения Зои. Бронзовый образ вышел простым и строгим — под елями, у Дома культуры, возвышается четырехметровая фигура девушки со связанными за спиной руками.

55 Среди работ Зураба Церетели в Грузии особенной популярностью пользовалась мозаичная отделка тбилисского ресторана «Арагви». Художник даже получил за нее свою первую Государственную премию. Увы, уникальное здание в стиле модерн, построенное в 1970 г., было снесено в 2008-м.

56 Почти 15 лет назад Церетели создал диптих — памятники Марине Цветаевой и Борису Пастернаку. Оба поэта изображены сидящими на скамейках, при этом Пастернак смотрит в сторону Цветаевой. По словам скульптора, его вдохновила переписка поэтов. Еще в 2016 г. Мосгордума приняла решение установить памятник Пастернаку в сквере между Оружейным переулком и Садово-Триумфальной улицей недалеко от дома, в котором родился поэт. Но этого так и не произошло. А скульптура Цветаевой давно стоит во французском городке Сен-Жиль-Круа-де-Ви, где Марина Ивановна провела лето 1926 года.

57 Церетели изваял памятник и Иосифу Бродскому. Это одна из самых грустных работ мастера. Она называется «Прощай». Поэт стоит в полный рост в мантии лауреата Нобелевской премии с традиционной «ньютоновской» шапочкой в руке. Но мантия накинута на грубый ватник, в каких работали ссыльные.

58 Первый в мире памятник д'Артаньяну и трем мушкетерам — подарок Зураба Церетели французской Гаскони. Скуль-

птурная композиция создана по просьбе потомка знаменитого гасконца, сенатора, графа Эмери де Монтескью. Прототипом бронзовых героев стали персонажи фильма Георгия Юнгвальд-Хилькевича. Памятник открывали торжественным парадом нынешних мушкетеров в присутствии актеров Вениамина Смехова и Валентина Смирнитского. Вместе с Зурабом Церетели киномушкетеры стали членами французского Общества мушкетеров.

59 Зураб Константинович фигурирует в образе неутомимого жизнерадостного художника-скульптора Звиада Цуриндели в романе писателя Сергея Соколова «Русская чурка».

60 Церетели носит на пальце перстень из черного камня. Это память о его покойной супруге, Инессе Андроникашвили, с которой он прожил сорок лет. Старинное фамильное кольцо семейства Андроникашвили передавалось из поколения в поколение, а Инесса Александровна решила подарить его любимому супругу. На перстне изображена сцена из поэмы «Витязь в тигровой шкуре».

61 Художник признается, что Инесса безусловно повлияла на его творчество. Однако на вопрос журналистов, делала ли она ему какие-то замечания, Церетели отвечал: «Влюбленные люди замечаний не делают. Ей нравилось все, что я делал».

62 «Государство должно творцов на руках носить», – утверждает Зураб Константинович.

63 В год 850-летнего юбилея Шота Руставели в Санкт-Петербурге открыли памятник поэту. Церетели изобразил автора поэмы «Витязь в тигровой шкуре» в полный рост: Руставели держит в руках свой самый известный труд, который по праву входит в список мировых литературных шедевров.

64 Говорят, существовала договоренность о том, что в рамках политики разрядки международной напряженности Церетели с Пикассо должны вместе расписать здания ООН в Нью-Йорке. Но этот проект так и не реализовался.

65 «Что останется в мире, когда закончатся газ, нефть и никель? – любит повторять скульптор. – Грандиозные шедевры, которые создавали талантливые люди».

66 Бессспорно, Зураб Церетели является поистине глобальной личностью. Сотни монументов, скульптур, мозаик, картин и витражей, созданных им в различных уголках мира, свидетельствуют о его важной роли в мировой культуре. В отличие от многих своих современников, Зураб Церетели оказался фигурой универсального значения.

67 Журналисты часто спрашивают маэстро о том, как ему удается сохранять юношескую энергию? Где он черпает силы, чтобы вставать рано утром, поздно работать, вечером проводить время с друзьями, утром опять вставать и опять рисовать, и опять радоваться солнцу, небу, дождю? Художник отвечает: «Я думаю, так бывает, когда человек влюблен».

68 Одно из самых ярких воспоминаний детства Зураба Церетели: «Помню, как родители подарили мне цветные карандаши. И я стал рисовать, особенно много – природу. Учился передавать первые впечатления в рисунке. Это очень важное качество для художника».

69 В 2014 г. в Париже, рядом с Собором Парижской Богоматери, открыли памятник Папе Римскому Иоанну Павлу II работы Зураба Церетели. Монумент был подарен автором польской общине Парижа.

70 «Необязательно, чтобы все становились художниками, – говорит Зураб Константинович. – Но чем больше творческих людей, тем гармоничнее жизнь».

71 Церетели – автор одной из самых высоких статуй Иисуса Христа на Земле. В 2013 году на заводе «Монументскульптура» в Санкт-Петербурге, была отлита бронзовая статуя Христа высотой 33 метра – по количеству прожитых им лет. Фигура Иисуса должна быть установлена на 50-метровом постаменте, украшенном рельефами. Тогда общая высота статуи Церетели составит 83 метра и опередит статую Христа в Португалии –

высотой чуть менее 80 метров. Но вот места памятнику до сих пор не нашли.

72 Живописное и графическое наследие Зураба Церетели колоссально – его авторству принадлежат свыше 5000 полотен, которые хранятся в экспозициях множества музеев, галерей и частных собраний, а также в мастерских самого живописца.

73 «Лично я черпаю энергию от работы в мастерской, от мастер-классов, от выставок, от общения с людьми, – признается Церетели. – Эта творческая карусель дает возможность мне жить».

74 Зураб Церетели всегда тяготел к корням – он ценит этнографию, знает историю народов мира, их культурно-бытовые особенности, духовную культуру: «Этнография – это правильное мышление, это очень помогает художнику».

75 В Тбилиси, в самом центре, на площади Свободы стоит 35-метровый памятник Святому Георгию Победоносцу. Статуя просто прекрасна, но она приобрела и новую славу: в последние годы столичные власти традиционно стали превращать ее в новогоднюю елку, и Георгий Победоносец уже не раз попадал в рейтинги стран с самыми оригинальными новогодними деревьями.

76 Война в памяти Зураба Церетели сохранилась одним воспоминанием: «Недавно вспомнил, как мы, мальчишки, услышали, что началась война – и выбежали во двор, радовались. Мы ведь не понимали, что это значит! Думали, что сейчас возьмем автоматы и – «бум-бум-бум!» – всех врагов сразу победим... Помню, мама готовила каждый день одно и то же – кашу, в которую для сытости растительного масла сверху наливали».

77 Церетели рассказывал, как ему довелось пообщаться с Сальвадором Дали. Он обедал с известным художником и его женой Галой: «Как поживаете? Как здоровье? Как работа идет? – это была обычная беседа. Но, безусловно, я чувствовал, что Дали – особенный человек, по-

этому во время разговора наблюдал за ним, следил за его движениями, всматривался ему в глаза. Я считаю, что Дали великий художник».

78 Зураб Константинович уверен, что художники должны играть большую роль в жизни страны: «Думаю, в обществе всегда должно звучать мнение разных творческих людей. Я, например, всегда очень доверял мнению Андрея Вознесенского, Беллы Ахмадулиной. Бесконечно ценил Рязанова, Табакова, Данелия, Любимова... Я свое отношение к ним выразил – создал их образы. Я много не говорил, на словах в любви не признавался. Мое отношение к ним – в моем творчестве».

79 Церетели не устает говорить о важности творческого воспитания: «Я призываю родителей проснуться и понять, что у нас уникальная художественная школа. Ребенку необязательно становиться в итоге художником – он может просто рисовать, развиваться, тренироваться. И учиться правильно видеть природу. Это целая философия – видеть человека и природу. Но, научившись этому, человек сможет точно передать это и в рисунке, и хорошие стихи писать, и просто правильно мыслить».

80 «Время все расставит по местам, – часто утверждает художник. – Быстро судить – значит, наверняка ошибаться. Не надо проклинать прошлое! Тогда и мы красиво уйдем из жизни».

81 У Церетели четкая позиция по поводу живописи в цифровой век: пусть кто-то с уверенностью заявляет о смерти академической живописи, о ее замене цифровой обработкой, цветными репродукциями, творениями искусственного интеллекта. Однако живая живопись бессмертна.

82 Творческий путь Церетели насчитывает несколько десятилетий: он застал и оттепель, и застой, и перестройку, и бурные 90-е годы... И всегда оставался верен выбранному им пути, на который вступил еще в 50-х годах.

83 География творений Церетели поистине не знает границ. Его работы стоят в Грузии, России, Великобритании, Испании, Италии, США, Франции, Японии, Бразилии, Уругвае, Израиле, Литве, Беларуси и многих других странах.

84 «Зураб Церетели – замечательный художник, – считал великий Сергей Коненков. – Его произведения несут людям радость, счастье познания прекрасного. Тематика его произведений разнообразна и увлекательна: это национальный фольклор, старинные легенды, грузинский орнамент, наша земля, наша современность. Силой творческого таланта, безграничной фантазии и воображения он создает неповторимые произведения искусства. Они искрятся как бриллианты, переливаются всеми цветами радуги, сверкают, как лучи солнца, павшие на землю».

85 Не секрет, что творчество Церетели вызывает неоднозначную реакцию в обществе и у критиков. Одни упрекают его в гигантомании, другие – в монополизации монументальных проектов в Москве, третьи – в безвкусице и киче. Но это никогда не мешало художнику. Он не обижается на критику. «Называйте меня как вам заблагорассудится, – говорит он, – сколько людей, столько и мнений». Но факт остается фактом: Церетели смог пройти путь от мало кому известного грузина, занимавшегося оформлением советских посольств за рубежом, до президента Российской академии художеств. И продолжает творить свои шедевры, которые уже вошли в историю.

86 «Если бы я заново начал

жить, – размышляет Церетели, – я бы то же самое делал, так же шагал, как до сегодняшнего дня. Ничего не прибавил бы, ничего не убавил. Разве что побольше музеев создал».

87 Скульптура, мозаичные композиции и эмалевые панно, рельефы, горельефы и барельефы, живописные, графические и акварельные работы, более ста персональных выставок в разных странах мира... Любому выдающемуся художнику хватило бы на всю жизнь даже одной десятой от того, что сделал Церетели. А ему этого и сейчас мало. Он работает каждый день и не собирается отдыхать.

88 Закон творчества от Зураба Церетели: вне зависимости от того, насколько напряженным обещает быть предстоящий день, первым делом надо спешить в мастерскую – к палитре, и творить, искренне наслаждаясь процессом.

89 Несмотря на то, что в последнее время маэстро большей частью живет в Москве, вечным источником его вдохновения по-прежнему остается родная Грузия, ее богатая и самобытная культура, а главное – люди этой земли. Зураб Церетели – один из них: глубокий и мудрый грузин, добрый, энергичный и бесконечно талантливый.

90 Наконец, последний по порядку, но никак не по важности факт: Зураб Константинович – живая легенда. Ему 90 лет, но он не перестает плодотворно работать и наслаждаться своим делом. Он сохранил любовь к жизни. И жизнь отвечает ему взаимностью. С днем рождения, Маэстро!

«ВО СТОЛИЦЕ ЯРМАРКА...»

■ Юлия ТУЖИЛКИНА

В Тбилиси состоялась новогодняя благотворительная ярмарка, организованная Международной женской ассоциацией Грузии. Двадцать семь посольств разных стран и международные компании представили национальные сувениры, изделия ручной работы и кулинарные визитные карточки своих народов. Все вырученные средства пойдут на помощь нуждающимся семьям и на подарки детям.

Сказочные шкатулки, яркие ковры, новогодние гномы и разукрашенные елки – ярмарка пестрила и переливалась всеми цветами. Каждая страна на своем стенде старалась удивить посетителей уникальными изделиями или яствами своей родины.

Грузинскую продукцию представляли ремесленники и бизнесмены.

Тинатин Хеидзе уже несколько раз участвовала в этой грандиозной новогодней распродаже. На ее стенде расположился настоящий сказочный, припорошенный снегом мир. «Очень люблю эту ярмарку! – говорит Тинатин. – Целый год жду. Четыре месяца работала только для того, чтобы представить сегодня свою продукцию. Атмосфера здесь приятная. И покупатели хорошие, им все интересно и все нравится».

Смешение культур, национальных костюмов и языков

создало единую атмосферу добра и красоты. Каждый стенд – произведение искусства, где отражены исторические черты характера народа, его достоинство, гордость и исключительность.

Азербайджанка Гульнара Мамедова так отметила главное на ярмарке: «Сегодня здесь собрались сотрудники посольства Азербайджана, азербайджанских компаний, даже молодежный центр с нами. Каждый выставил свою продукцию, все наши товары ручной работы. Но главное, что все народы сегодня собрались вместе, дружно, по-семейному».

Супруга сотрудника Посольства Казахстана в Грузии Салтанат Камалидинова рассказала, что уже в сентябре начала готовится к ярмарке: «С каждым годом мы стараемся подготовиться лучше, поэтому в этом году мы привезли именно те продукты и приготовили те

блюда, которые больше всего имеют спрос всегда. У нас есть баурсаки, самса, казы... Мы продаем не только еду, но и сувенирную продукцию, а также у нас очень много казахстанского шоколада – это в топе популяр-

ности среди всех продаваемых продуктов. А настоящий эксклюзив для Грузии – конина и курт, высушенное калорийное кисломолочное изделие кочевников Центральной Азии, нечто среднее между сушеным творогом и твердым сыром».

Украинка Карина Пелых показывала свои товары, делая акцент на любви, с которой они были выполнены: «Наши товары сделаны руками мам, дети которых ходят в украинский садик. Причем все детки нам помогали. У нас есть открытки, салфетки, печенье, не только красивое, но и безумно вкусное. Картины на наших шоперах нарисованы не профессиональными художниками, а творческими мамами, которые вкладывали в них любовь, заботу и хорошие эмоции. Кто-то покупал ткань, кто-то придумывал, кто-то шил. Получилось настоящее маленькое производство. И все деньги, заработанные на этой ярмарке, мы хотим потратить на приобретение подарков ребятам из нашего детского сада, ведь мамы не имеют воз-

можности купить такие подарки, о которые мечтают их дети. Каждый ребенок заслуживает счастливого детства. Наши дети должны улыбаться и радоваться, потому что в дальнейшем они должны будут вернуться на родину и построить счастливую страну. Именно это мотивирует нас сейчас здесь продавать товары, чтобы заслужить улыбки детей. И мы верим, что нас ждет счастливое будущее».

Президент Международной женской ассоциации Грузии Иоханна Мюльманн подчеркивает, что это единственная ярмарка в Тбилиси, которая представляет международный ассортимент товаров. Вот так она говорит о цели, ради которой ежегодно проводит эту новогоднюю распродажу: «Вырученные средства мы вкладываем в многочисленные благотворительные

проекты. К примеру, мы получили просьбу от одной организации в Тбилиси, которая помогает продуктами нуждающимся людям. Также мы оказываем индивидуальную помощь тем, кто не может оплатить коммунальные счета. А еще поддерживаем организацию, которая финансирует детские хобби и увлечения».

Новогодняя ярмарка Международной женской ассоциации Грузии – это крупнейшее мероприятие по сбору средств в помощь нуждающимся, малообеспеченным и социально незащищенным людям страны. Несмотря на зимнее время, ярмарка – невероятно теплое, сказочно-волшебное пространство, где соединяются культуры, страны и неравнодушные сердца.

Нана Джорджадзе

ЭТИ ПРЕКРАСНЫЕ «БАБОЧКИ» ГРУЗИНСКОГО КИНО...

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

В поисках национальной идентичности, национальной идеи, стремясь понять свое предназначение в новой кризисной реальности, во времена ломки общественного сознания, народы часто возвращаются в прошлое. Если анализировать «Грузинскую панораму», представленную в конкурсной программе XXIV Тбилисского международного кинофестиваля, в таком глобальном контексте, то именно эту тему можно выделить как основную.

Задала тон мэтр грузинской режиссуры Нана Джорджадзе (ей была вручена статуэтка «Золотой Прометей» – специальный почетный приз фестиваля за большие заслуги в искусстве кино), открывшая кинофорум своей картиной «Вынужденная миграция бабочек». Эта выразительная метафора – бабочки – несет в работе Джорджадзе особую смысловую нагрузку. В психологии Юнга бабочка символизирует трансформацию, личностный рост, возрождение. В этом – оптимистический посыл фильма, герои которого переживают

период разрушения прежнего мира, драматического перехода из одних исторических реалий – в новые. Документальные свидетельства 90-х, включенные в картину, дают представление о смене эпох, всегда связанной с потрясениями, войнами, революциями в экономике, культуре, идеологии. В картине «Вынужденная миграция бабочек» мы видим представителей грузинской культурной элиты – артистов, художников, музыкантов – прекрасных и в чем-то беспечных «бабочек», оказавшихся в обстоятельствах выживания. В поис-

ках лучшей доли многие из них эмигрируют за границу – благо, их талант за кордоном ценится... «Бабочкам» помогает выстоять особенный ген одаренного грузинского народа, жизнелюбивого и жизнеспособного даже вдали от родины. И в этом залог того, что «все будет хорошо». В финале одна из «бабочек», после очередного зарубежного «залета», возвращается домой, к любимому человеку – обаятельному художнику-бессребреннику, эдакому «Модильяни-Пиромани» (оба нищие гении), чтобы вместе с ним встретить Новый год, обещающий обновление и возрождение...

Старейшина грузинского кино Заза Халваши, картина которого «Лото» (Грузия/Литва) стала обладателем главной награды фестиваля – «Золотого Прометея», находит проявление этого сильного гена в сближающей, объединяющей любви. Абсолютно разных и таких несовершенных людей, живущих в старом «итальянском» дворе приморского

города Батуми, связывает особая аура места с давним прошлым, с традициями, с гостеприимством, с общими радостями и печальми. «Лото» — черно-белая картина, снятая в жанре притчи, — оммаж старому кинематографу. Но — «light», в традициях грузинского кино ушедших времен. Напряженные моменты, предполагающие драматичный исход, находят в фильме неожиданно легкую развязку. Даже криминальный конфликт — зритель ожидает крови! — разрешается просто: не «малой кровью», а вовсе без нее. Хотя крупные планы персонажей, вовлеченных в воровские разборки, создают тревожность. Это же касается «самоубийства» мальчишки, безответно влюбленного в красавицу-соседку. Ждешь трагедии в духе итальянского неореализма, а получаешь почти анекдотический финал. История влюбленных, обещавшая поначалу какую-то интригу, завершается так же безболезненно — свадьбой, которая, естественно, играется во дворе. Ведь все соседские страсти-мордасти находят успокоение за дворовой игрой в лото — в социуме очень близких, по сути, людей. Хотя вот парадокс — это приятное, необременительное, расслабляющее времяпрепровождение за традиционной батумской чашечкой кофе или за игрой в лото превращается в рутину — и тогда нужно решительно рвать с ней, освобождаться от удерживающей, обволакивающей атмосферы двора. Чтобы отправиться навстречу чему-то новому и неизведанному. У авторов картины нет однозначного ответа на вопрос, в чем состоит человеческое счастье — может быть, в том, что безвозвратно ушло, ускользнуло? Я сама когда-то жила в одном из таких «черно-белых» батумских дворов. Возможно, этот и есть потерянный рай? Ведь сегодняшний город так не похож на прежний Батуми — что-то теплое и родное утрачено навсегда, невзирая на все великолепие нынешнего, стремительно развивающегося курорта.

Заза Халваши не успел завершить работу над фильмом — закончила его дочь режиссера Халваши Тамта.

Еще один удачный женский опыт в кинорежиссуре — кон-

курсная картина грузинки из Швейцарии Элене Невериани «Дрозд дрозд ежевика», которая была отмечена «Особым упоминанием» жюри. В августе нынешнего года она победила на международном кинофестивале в Сараево. А мировая премьера киноленты состоялась в рамках независимой секции Quinzaine des cineastes Каннского кинофестиваля в мае. Фильм снят по роману грузинской писательницы Тамты Мелашвили, опубликованному в 2021 году. Это необычная история одинокой деревенской женщины. Однажды Этеро сорвалась с обрыва и едва не погибла, что стало потрясением, резко изменившим жизнь героини — старой девы, выросшей в семье с жесткими домостроевскими законами и с ранних лет лишенной материнского тепла. После кончины деспотичных отца и брата она наслаждалась свободой, природой, лакомила любимой ягодой — ежевикой, не испытывая никакой потребности в общении с местными обывателями. Однако в один прекрасный день круг разомкнулся — Этеро переломила свою судьбу, сблизившись с мужчиной и обрета, наконец, женское счастье. Пусть и недолгое. Очередной представитель сильного пола — вслед за отцом и братом — разочаровал ее, что

было воспринято Этеро со стоическим терпением. Но в награду за страдания господь подарил ей радость позднего материнства (героине 48). Замечательный эпизод — когда женщина узнает о том, что не больна, а беременна. Она испытывает сложную гамму чувств — от растерянности, страха до ликования. Успех картины во многом определила актриса Эка Чавлеишвили, отмеченная в Сараево призом за лучшую женскую роль. Это смелая, яркая работа. Эка Чавлеишвили создает образ независимой, сильной женщины с богатым внутренним содержанием. Ее Этеро некрасива и груба, неулыбчива и сурова, но за этим — хрупкая, красивая женская душа.

Свой взгляд на исторические процессы предложила известная режиссер Нана Джанелидзе, рассказавшая о судьбе эмансипированной журналистки по имени Лиза (актриса Екатерина Тогонидзе). Мировая премьера новой работы Джанелидзе «Иди, Лиза!», участвовавшей в конкурсе полнометражных картин тбилисского кинофорума, прошла на кинофестивале GoEast в Висбадене. Режиссер (она же автор сценария вместе с Лией Токликишвили) пытается разобраться в одной из наиболее болезненных и трагических исторических коллизий — абхазской войне 1992-1993

«Лото» — обладатель главного приза фестиваля

годов. Она предлагает новую оценку событий тридцатилетней давности, говорит о необходимости покаяния обеих сторон (не случайно Джанелидзе – одна из авторов сценария гениального фильма Тенгиза Абуладзе «Покаяние»), что тоже – путь к самим себе, к осознанию своего места в мире, а значит – залог каких-то грядущих перемен в судьбе страны. Ведь без анализа ошибок прошлого невозможно найти верный путь в будущее.

Фильм интересен с точки зрения стилистической – язык игрового кино соединяется с великолепной анимацией. Никого не оставили равнодушными гуманистический дух и поэтическая эстетика художника Гоги Микеладзе. Причем Джанелидзе использует мультипликацию, когда рассказывает о событиях прошлого (в картине два плана – современность и события грузино-абхазского конфликта). По словам режиссера, анимация была необходима, «чтобы показать брутальность войны». «Это надо было делать не натуралистически, потому что не захочется на такое смотреть. Анимация давала нам большую свободу, масштаб мышления», – говорит Нана Джанелидзе.

Создатели картины обращаются к различным документальным свидетельствам, причем как одной, так и другой стороны, стремясь к максимальной объективности. Правда, напрягает некая заданность сюжета (юную грузинку Лизу в огне войны спасает от верной гибели, рискуя жизнью, абхаз) и, возможно, излишняя пафосность некоторых диалогов и монологов. Но, с другой стороны, как еще говорить на такую болезненную, всегда животрепещущую для Грузии тему, пытаясь сохранить беспристрастность?

Фильм вызвал в Грузии большой резонанс (люди в зале не сдерживали слез), живую, бурную полемику, причем высказываются мнения полярно противоположные. Важно одно: тема вновь поднята, диалог в обществе идет. А во что в итоге это выльется, покажет время.

Абхазская тема прозвучала на кинофестивале и в документальном формате – в картине грузина Георгия Варсимашви-

ли и француженки Жан Нуши «Гостиница «Металлург». Грузино-французская работа была впервые представлена в 2023 году на фестивале документального кино в Шеффилде (Великобритания), демонстрировалась на экранах лондонских кинотеатров. В ней отражена повседневная жизнь беженцев из Абхазии, нашедших приют в историческом здании санатория некогда знаменитого курорта Цхалтубо в начале 90-х годов прошлого столетия. В советские времена здесь отдыхали и лечились работники металлургической промышленности. «Гостиница «Металлург» рассказывает историю семи женщин – рассказывает их устами. В течение трех десятилетий они жили в закрытом пространстве бывшего санатория, и вот их судьба опять круто меняется – они вынуждены вновь переселиться, ведь здание «Металлурга» уже кем-то куплено. И хотя беженцев наконец (спустя 30 лет!) обеспечивают нормальным жильем, переезд из гостиницы в новые апартаменты для многих – очередное испытание, особенно для пожилых людей. Хочется отметить высокий уровень режиссерской и операторской работы Георгия Варсимашвили. Перед нами раскрывается судьба не только женщин-беженцев, но и самого здания. Великолепная гостиница «Металлург» – безусловно, тоже персонаж картины. Камера Варсимашвили показывает следы его былого величия и признаки нынешней нищеты – метафора канувшей в Лету эпохи.

Снова – Абхазия. В своем первом полнометражном документальном фильме-эссе (создатели назвали свою работу экспериментом с реальностью), своего рода путешествии по детским воспоминаниям в поисках своей идентичности – «Автопортрет на границе», режиссер абхазского происхождения Анна Дзиапшипа возвращается на родину, в дом, который построил ее дед. В картине использованы бесценные семейные архивы, материалы теле- и радиопередач того времени, а также подробности биографии самой Анны, на основе чего выстраивается история сложных взаимоотношений двух народов. В апреле 2023

года фильм получил Приз жюри Международного кинофестиваля Visions du Reel (Швейцария).

Личный опыт создателей, осмысленный в общечеловеческом контексте, отражен и в документальном фильме Мариам Чачиа и Ника Воигта «Волшебная гора» – о широко известном санатории в Абастумани, в котором издавна лечили больных туберкулезом. Конечно, сразу возникает ассоциация с великим философским романом Томаса Манна.

«Волшебная гора» – очень атмосферная картина. Сухой, беспристрастный комментарий за кадром; монотонное движение по дороге, ведущей в обитель скорби – Абастумани; густой туман, окутавший «волшебную гору»; не теряющие надежды больные, месяцами, а иногда и годами ожидающие выздоровления в закрытом пространстве лечебницы, – все это рождает довольно тягостное чувство. Запоминается неприятный, «говорящий» эпизод: раздраженный пациент грубо пинает ногой какую-то собаку – да так, что животное просто теряет равновесие и падает на бок...

В фильме рассказана история создания санатория. В 1891 году в эти места прибыл великий князь Георгий Александрович – брат будущего императора Николая II. Его направили в Абастумани на лечение. С этого момента он превращается в бальнеологический курорт мирового уровня... А уже в советское время были построены санаторий, туберкулезная больница, поликлиника, ванное здание. Сегодня легендарный климатический курорт Абастумани переживает период реконструкции.

Корни, прошлое, похоже, волнуют в сегодняшней Грузии многих представителей культурной элиты. Лана Гогоберидзе посвятила свою новую работу – документальную картину «Мать-дочь» – своей матери, личности легендарной: первой в СССР женщине-кинорежиссеру Нуце Гогоберидзе, прошедшей через репрессии. Фильм, о котором идет речь, – документальный кинопортрет Нуцы и одновременно – автопортрет Ланы. «Документальное и художественное здесь настолько переплетены,

Фильм «Гондола» завершил кинофестиваль

что иногда сложно определить, что создает общее лицо – фотографии матери, отрывки из ее фильмов, образы, отражающие эпоху, архивный материал или фильмы о совместной жизни матери и дочери, сама история. Это художественное понимание... Автор рассказывает о матери, но, по сути, – и о себе, дочери, вернувшей в историю «потерявшуюся женщину». Гогоберидзе говорит художественными образами, кинообразами. Они притягивают, завораживают, приглашают задуматься, а также оставляют массу тайн. Кино не только хранит историю, которую политический режим так старался стереть, но и восстанавливает утраченные связи, тот жизненный, творческий заряд, который передается из поколения в поколение», – отмечает киновед Гоги Гвахария.

Победителем в конкурсе полнометражных документальных лент стала экзистенциальная картина Георгия Паркосадзе (Грузия/Греция) «Реквием по жарким летним дням», посвященная двум темам: первоначальное чувство привязанности между людьми и вечное одиночество человека. «Особого упоминания» жюри удостоена документальная лента Луки Берадзе «Улыбающаяся Грузия» – копродукция Грузии и Германии. Фильм с остросоциальным и острополитическим посылом рассказывает об участниках президентского проекта 2012 года «Улыбающаяся Грузия». Перед выборами правительство

страны разработало программу, согласно которой пожилым жителям села одного из районов Грузии должна была быть оказана безвозмездная стоматологическая помощь...

Отметили наградами и короткометражные картины – как художественные, так и документальные. Лучшим признан игровой фильм «Супра» режиссера Мариам Бицадзе. Награду жюри «Особое упоминание» получила лента «Побег» Саломэ Кинцурашвили. Лучший короткометражный документальный фильм – «Иги» режиссера Аки Мануки. «Особым упоминанием» жюри была отмечена лента «У меня талант терять» Георгия Паркосадзе.

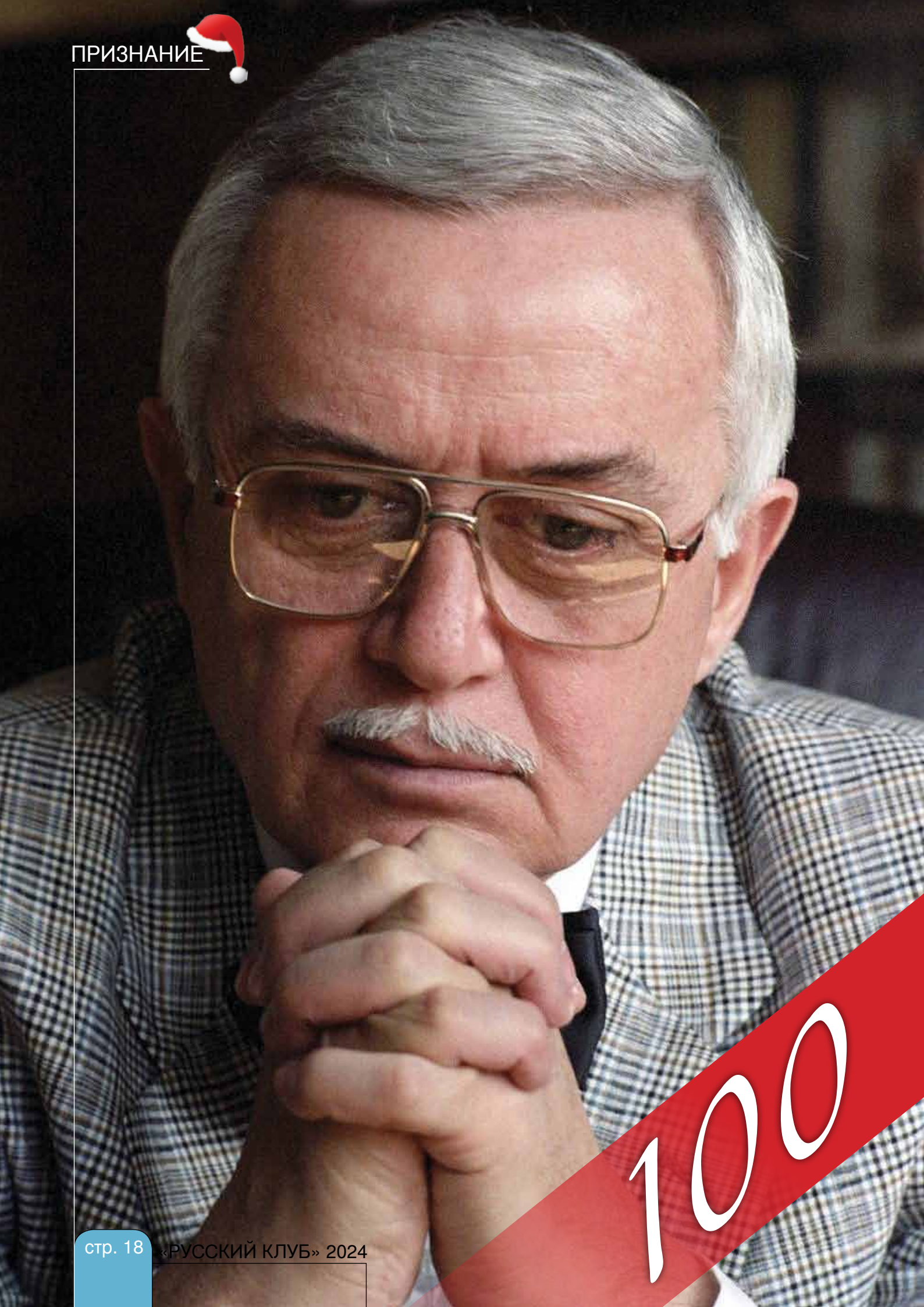
В двух категориях – художественное и документальное кино – назвало своих победителей и Представительство Евросоюза в Грузии. Приз «Права человека в кино» был вручен иранскому режиссеру Аббасу Амину за игровой фильм «Бесконечные границы» (Иран/Чехия) – он был показан в рубрике «Горизонты». Таким же образом наградили Луку Берадзе за его «Улыбающуюся Грузию».

Кроме «Грузинской панорамы», на фестивале были представлены рубрики «Страна в фокусе: Армения» – к 100-летию армянского кино, «Режиссер в фокусе» – ретроспектива фильмов португальского режиссера Педро Кошта, удостоенного почетного «Золотого Прометей», «Кинопамять»: отреставрированная версия «О счастливчик!»

(O, Lucky Man!) Линдси Андерсон. А также фильмы-лауреаты Каннского, Венецианского фестивалей и Берлинале.

Завершила фестиваль грузино-германская поэтическая картина без слов – «Гондола» старого знакомого, немецкого режиссера Файта Хелмера, некогда покорившего мир своим трогательным дебютным фильмом «Тувалу» о загадочном острове, затерянном в южных морях. В 1999 году Хелмер показал его и на Тбилисском международном кинофестивале. «Гондола» – еще одна причудливая, романтическая история режиссера о любви девушек, операторов канатной дороги в горах Грузии. Новый фильм Хелмера – это гимн свободе во всем – в творчестве, в способе самовыражения, в любви, во взаимоотношениях с окружающим миром. Наверняка этот посыл близок не только Файту Хелмеру, но и нынешним грузинским кинематографистам на пути поиска своего уникального языка.

Интерес к Тбилисскому международному кинофестивалю (в нынешнем году его художественным руководителем был Гага Чхеидзе) с каждым годом растет. Вот и на этот раз он стал событием культурной, общественной жизни страны, привлёк внимание огромного числа зрителей, о чем свидетельствовали переполненные залы, живое обсуждение фильмов после просмотров, насыщенные встречи с актерами, режиссерами, продюсерами.

100

ОН ВСЕГДА БЫЛ ПРАВ

■ Лана ГОГОБЕРИДЗЕ

1980-е годы в грузинском кино были отмечены одним интересным явлением: Тенгиз Абуладзе без согласия Москвы снял фильм «Покаяние», подрывавший всю советскую систему, и это стало возможным при активной заинтересованности и поддержке Эдуарда Шеварднадзе.

О перипетиях в создании этого фильма написано много, поэтому я хочу остановить внимание читателей только на одном эпизоде.

После многих мучений и приключений Тенгиз закончил работать над фильмом. Прошел его первый тайный показ. Фильм закончился. Сидим, как заговорщики, в маленьком освещенном зале новой киностудии. Заговорщиков несколько человек – Тенгиз Абуладзе, Резо Чхеидзе, философ Нико Чавчавадзе, Эльдар Шенгелая, я и... Шеварднадзе. Долгое время сидели молча, ошеломленные и потрясенные увиденным. И сейчас у меня перед глазами стоит бледное от волнения лицо Тенгиза Абуладзе. Все понимали, что произошло что-то исключительное. Первое слово принадлежало, конечно же, Шеварднадзе: он был первым секретарем ЦК и фактическим соучастником создания фильма. Тишина длится, и вот, когда молчать становится невозможно, Шеварднадзе встает, идет к Тенгизу и без слов протягивает руку. Тенгиз неловко улыбается, как будто избегает рукопожатия, пятится. Шеварднадзе обеими руками хватает его за плечи. Это было и объятие, и поздравление. Так они стоят несколько секунд.

Мы выдохнули. Потом, когда Шеварднадзе ушел, поднялся переполох. Слов не помню, но очень хорошо помню, что, охваченные волнением и радостью, говорили все вместе. Тогда среди грузинских кинематографистов царило истинное единение, единство, от которого, к несчастью, за последние годы ничего

не осталось, но в тот момент, в силу этого прекрасного чувства, у всех было ощущение того, что мы вместе создаем грузинское кино и что фильм Тенгиза – это наша общая победа, и его судьба одинаково волновала нас всех.

Со студии мы вышли вместе с Нико Чавчавадзе, взволнованные и взбудораженные. Говорили о фильме, о его будущем, на которое Нико смотрел с большим оптимизмом, а я – с сомнением. «Давай поспорим», – сказал Нико. Я ответила: «Если этот фильм выйдет на экраны, я сделаю вывод, что мы живем в другой стране». Мы поспорили на так называемую «американку». Прошли годы, и уже в эпоху перестройки, после переговоров Шеварднадзе с Горбачевым, фильм вышел на экраны. Радостный Нико сразу же позвонил. «Я выиграл, ты должна исполнить, что попрошу». Я категорически сопротивлялась и в доказательство приводила свои слова – если фильм выйдет, это означает, что мы живем в другой стране. Этот спор длился годы. Нико при каждой встрече говорил, что выиграл спор, а я отвечала, что нет, потому что мои слова тоже оправдались, и страна действительно изменилась.

...Тенгиз Абуладзе всегда ходил непроторенными дорогами, каждый фильм – поиск новых путей, он просто мыслил кинообразами. Но на меня больше всего действовало его простодушие. Художественная смелость Тенгиза в моем восприятии связана с его простодушием. Думаю, что это и позволило ему создать «Покаяние».

Я почти каждый день видела Тенгиза в парламенте в последние месяцы его жизни. Он и сейчас стоит перед моими глазами – нездоровый, пораженный неизлечимой болезнью и все-таки улыбающийся.

Я часто думала: перед лицом

смерти личность обнажается, все второстепенное исчезает и обостряется главное. В самом конце в Тенгизе, как основное его качество, проявилась скромность.

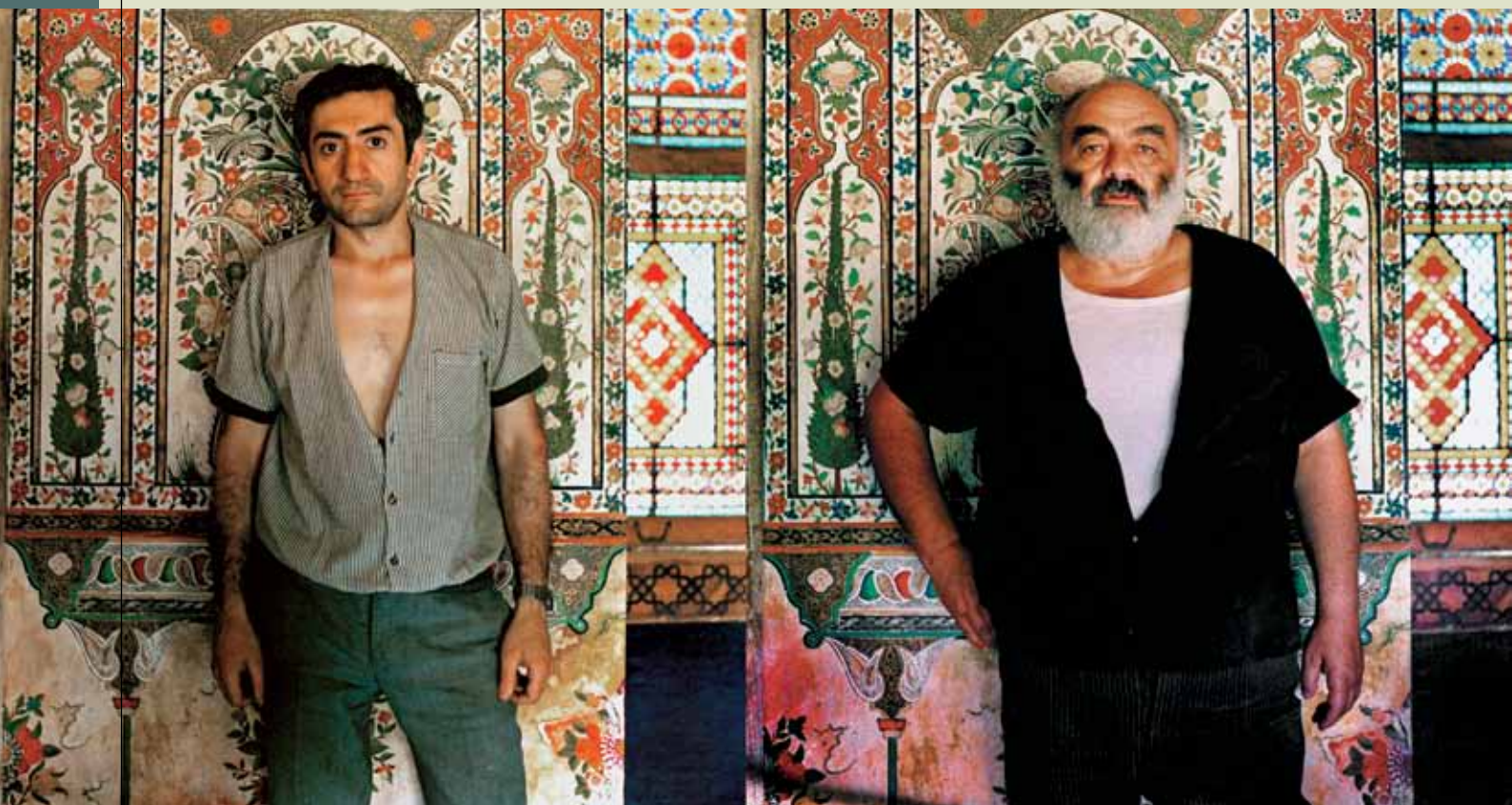
Как-то, пока он еще мог ходить, во время перерыва между заседаниями парламента, Тенгиз сказал, что ему нужна вода, чтобы принять лекарство. Конечно, я тут же нашла стакан и принесла ему воды. Его благодарность была совершенно несоразмерной. На следующий день я спросила, не хочет ли он воды. «Тут есть один молодой человек, – сказал он о молодом охраннике, – во время каждого перерыва он приносит мне воду. Ты себе не

представляешь, какой это прекрасный человек». А я подумала: «Это ты прекрасен, Тенгиз, ты. Кто другой может быть таким благодарным тому, кто просто подал тебе воды, то есть исполнил первейшую человеческую обязанность».

Он всегда был прав, потому что подчинялся только высшим законам искусства. После его смерти в грузинском кинематографе, даже более того – в грузинском духовном мире – осталась пустота, которую уже никогда и ничто не заполнит.

*Из книги «Что вспоминается и как вспоминается»
Перевод с грузинского
Нины Шадури-Зардалишвили*

Юрий Мечитов и Сергей Параджанов

«ЕЩЕ НЕ ВСЕ СНЯТО...»

■ **Нодар НИКУРАДЗЕ**

Наш собеседник – Юрий Мечитов, легендарный фотохудожник, педагог, автор десятков книг, участник около ста персональных и групповых выставок в Грузии и за рубежом. А если честно и коротко, то Мечитов – один из символов нашего города.

Кино, фотография, литература, преподавание, искусство и, конечно, Сергей Параджанов – обо всем этом мы и поговорили.

– Юрий Михайлович, вы дипломированный горный инженер с серьезным опытом работы в Государственном институте проектирования шахт. Как вы стали признанным фотохудожником?

– Начну с самого начала. Мое детство прошло в период бума технического развития страны. Первый искусственный спутник Земли, первый полет человека в космос. В большом количестве появились грузовые и легковые автомобили. Помню, мне почему-то очень нравилось рассматривать их подфарники. Очень любил из деталей конструктора собирать различные модели. В общем, меня интересовало все техническое. А тут в

поле моего зрения появилась и фотография. Я считаю, не случайно. Я любил ходить в гости к моей бабушке, а у нее был сосед – фотограф Гриша Овсян, который работал на киностудии. Он часто меня снимал. Сохранилось много этих фотографий – совсем детских, а после уже и в школьной форме. Потом бабушка купила мне фотоаппарат, и мой родственник Нодар Окрокверцхишвили научил меня детально, как вставлять пленку в аппарат, как ее проявлять, как готовить раствор для проявки, как печатать и так далее. Он давал конкретные советы, о которых я вспоминаю и сейчас. Так что именно эти два челове-

ка близко познакомили меня с фотографией. Но сказать, что я сразу стал фотографом – нельзя. Поначалу я просто снимал все на уровне фиксации, вел своеобразную записную книжку.

– И как долго это длилось?

– Довольно долго. В 17 лет мне подарили кинокамеру «Кварц-2», и я увлекся любительской киносъемкой, а фотография стала как бы в помощь этому делу. Тогда я не рассматривал ее как отдельное искусство, это произошло позже.

– Кинематографическая сторона вашего творчества меньше известна почитателям. Какие фильмы вы сняли?

– Короткометражные документальные. Самым удачным считаю фильм «Нина Иосифовна», который я снял в 1977 году вместе со своим другом – художником-графиком Марком Поляковым. Это 12-минутная картина о судьбе тбилисской учительницы русского языка, которая всю жизнь отдала своему любимому делу, пожертвовала личным счастьем и дожила свой век в одиночестве. Фильм показали на Республиканском фестивале любительских фильмов, он имел большой успех. Секретарь Совета профсоюзов Зинаида Квачадзе расплакалась прямо в зале, настолько ее тронуло увиденное. Затем из Москвы приехали корреспонденты популярного журнала «Советский экран» – посмотреть картину и встретиться с ее авторами. Опубликовали хвалебную статью. А в ноябре 1978 года мы пригласили на просмотр в студию при Доме железнодорожника Сергея Параджанова. Фильм ему понравился. К тому же оказалось, что Нина Иосифовна была его учительницей. С того дня, кстати, и началась моя дружба с Сергеем Иосифовичем. Хотелось бы вспомнить и фильм «Знаю, близок миг...» – о событиях в Чили в 1973 году. Тогда избранный президент Сальвадор Альенде был свергнут хунтой. Фильм был снят в 1975 году совместно с Аликом Имановым. В основе картины – только исторические фотографии, которые сопровождаются музыкальными фрагментами. Фильм был представлен на фестивале в Калининне, нынешней Твери, и освещен в статье газеты «Комсомольская правда». А годом раньше мы с друзьями сняли фильм «С девяти до шести» – о судьбе инженера в одном из учреждений. Там я сыграл главную роль. Картину отметили призом Всесоюзного фестиваля любительских фильмов.

– А почему вы не продолжили свою деятельность в этом направлении?

– Я снимал несинхронными, заводными камерами старого образца, поэтому монтаж был очень трудоемким и сложным процессом. К сожалению, соответствующей аппаратурой мы не обладали. Она была в боль-

шом дефиците, хотя за границей уже производилась. Я находился в отчаянии. И тут Марк Поляков дал мне судьбоносный совет: целиком посвятить себя фотографии, поскольку в этом случае все будет зависеть только от меня самого. Он уговорил сделать и первую выставку. Так все и началось. Хотя о кино я не забыл. И сейчас иногда им брежу. Наверное, все-таки попытаюсь что-то снять.

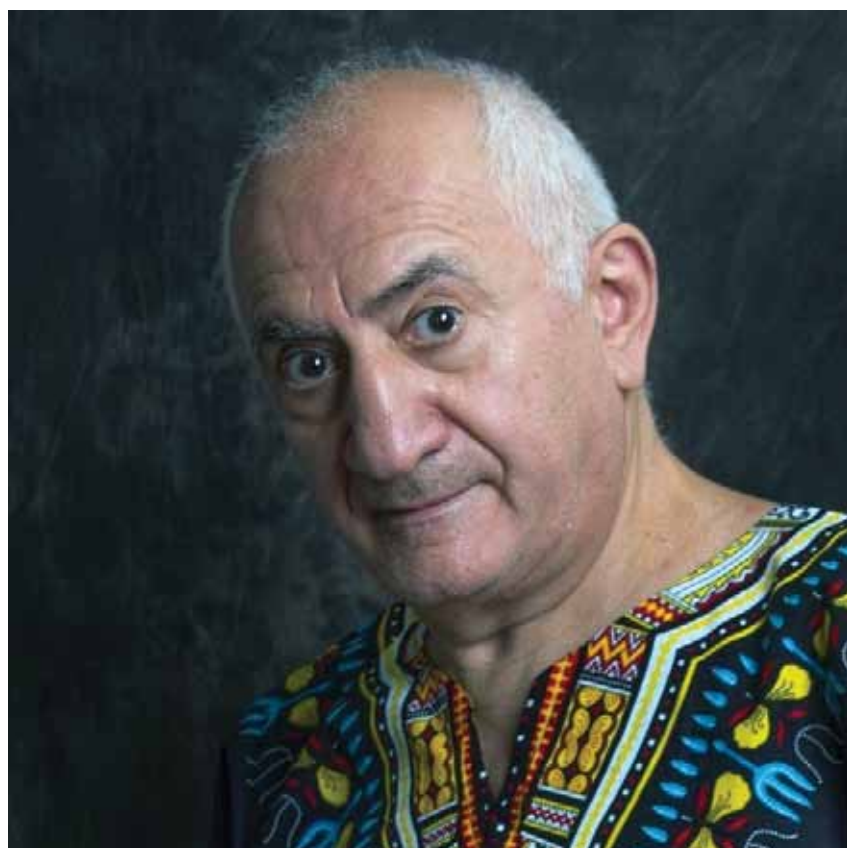
– Расскажите о вашей первой выставке.

– Это было в 1979 году в Доме кино. Я начинаю отбирать снимки для выставки. А выставка – это всегда подведение итогов какого-то этапа твоей деятельности. Большая ответственность перед зрителями. И тут выясняется, что у меня нет достаточно большого количества снимков – таких снимков, которыми я могу похвастаться, показать другим. С трудом отобрал 15 штук. Еще 10 фотографий помогли снять и оформить мои товарищи художники. На одной стене выставили мои работы, а на другой – моего друга Владимира Николаишвили, который работал на киностудии «Грузия-фильм» заведующим цехом фотографии. И вот на этой первой выстав-

ке я понял, как важно видеть свои фотографии на стенах. Во мне вспыхнул какой-то бешеный фотографический огонь, который привел меня к тому, что уже через три года, в 1982 году, я представил на своей персональной выставке около 100 работ. Причем выбирал их уже из тысячи. Так за три года я совершил неожиданный для себя взлет. Я фотографировал каждый день. Мной не двигали какие-то амбиции, я не собирался перед кем-либо хвастаться. Просто начал понимать, что такое фотография. Осознал, что у нее свой язык. Стал ощущать себя фотографом. Спустя годы, когда я открыл школу-студию, на первом же занятии объяснял своим ученикам: фотограф – не тот, кто снимает, а тот, кто отбирает. Кто может отличить удачный снимок от остальных. И он должен их откладывать, то есть иметь свое портфолио – подборку своих лучших фотографий.

– Наверное, фотография для документа не может представлять художественную ценность?

– Это так. Там есть свой шаблон. Но вот в 1985 году Параджанов пришел ко мне в фото-студию сниматься на паспорт. Я сделал несколько фотографий и

убедился – для личности с таким внутренним содержанием даже стандартная паспортная фотография сразу становится творческой.

– Я видел эту фотографию в вашей книге. Удивительный, глубокий снимок. Я даже не предполагал, что это снимок для паспорта.

– Да, вот это и есть фотогеничность. Я говорю своим студентам: если хотите стать знаменитыми – снимайте знаменитых. А чтобы далеко не ходить, можете начать с меня.

– Когда вы начали преподавать?

– Давно, в 1988 году. Сейчас студия называется «Mechitov Deisadze photo studio». Преподавание фотографирования как искусства имеет для меня очень большое значение. Я стремлюсь отдать им все, что знаю, и получаю огромное удовольствие, когда у моих учеников получается сказать свое слово в фотографии. Глядя на их счаст-

ливые лица и огоньки в глазах, я и сам испытываю счастье. Своих учителей – Марка Полякова, Владимира Пичхадзе, Сергея Параджанова и других – я вспоминаю с благодарностью. И мне хочется, чтобы мои ученики так же вспоминали и меня. И вот что еще важно – понимать, что сеешь доброе и вечное. Конечно, человек должен заниматься тем, что вызывает у него положительные эмоции. Тогда он вкладывает в дело всю душу. Я бы сказал, самоутверждается. У меня есть мнение, что человек всегда самоутверждается, и в достижении этой цели любая дорога хороша. Но лучше выбирать те дороги, которые будут полезны обществу. А то человек, не дай бог, пойдет по такой дороге, которая приведет его к тому, что он станет, например, лучшим палачом. Самое прекрасное, когда ты самоутверждаешься через то, что отдаешь другим. Я считаю себя счаст-

ливым человеком. Нахожусь в ладу с тем, что делаю.

– Но ученики бывают разные.

– Конечно. Бывают и такие, которые не знают, зачем пришли, чему хотят научиться. Я им говорю: если хотите сделать обыкновенную фотографию, вот вам кнопка, нажмите – и у вас получится. Более того, снимать мобильными телефонами легче, чем профессиональным аппаратом – в них стоят такие установки, которые балансируют на грани невозможного. А они мечтают о более усовершенствованных моделях и уверены, что с такими телефонами у них получатся лучшие снимки. Приходится объяснять, что об аппаратах, которые у них в руках, мы и мечтать не могли, но тем не менее создавали шедевры. К примеру, известная фотография Сергея Параджанова 1981 года, где он парит в полете. Этот снимок получился потому, что накануне я где-то случайно взял более широкоугольный объектив, чем был у моего «Зенита». Понимаете, совершенно случайно, потому что его не было в продаже. В то время много чего было в дефиците. И мы по-настоящему радовались, когда что-то доставали, находили. Теперешнему поколению этого не понять, и оно не ценит, что сейчас все гораздо доступнее. Между прочим, некоторые из них считают, что нельзя редактировать снимки, применять фотошоп, улучшать цвет и освещение, добавлять размытие, исправлять детали. Но мы, фотографы со стажем, все время манипулировали, чтобы раскрыть весь потенциал своих фото. Чего только не делали, чтобы сделать снимок интересней и лучше! Можно, например, поменять контраст или убрать морщинку на лице, если она мешает образу. А тот, кто считает, что снимок редактировать нельзя, не имеет к искусству никакого отношения. Фотоискусство является частью изобразительного искусства – наряду с живописью, графикой, скульптурой.

– Ваш подход представляется мне аналитическим. Не связано ли это с вашей институтской специальностью?

– Обязательно. Считаю профессию инженера одной из самых

важных. Инженеры обучаются таким точным наукам, как высшая математика, физика, сопротивление материалов, гидравлика, черчение и другим. Это сказывается на их мышлении, они более склонны к анализу, синтезу, а затем – к процессу создания. Хочу добавить, что во время учебы проходил практику в донбасских шахтах. Тот, кто пройдет через такую работу, будет ценить не только небо над головой, но и любую другую работу, которая не связана с тем, что ты сгибаешься в три погибели в пласте высотой 70 сантиметров, не можешь разогнуться и пытаешься лопатой отколоть уголь. Это невероятно тяжелый труд. Но я благодарю судьбу, что мне довелось испытать такое. Считаю, что человек должен повидать, пережить как можно больше. Если ты о жизни знаешь мало, что же можешь рассказать, создать?

– *Сергей Параджанов, чье 100-летие мы сейчас отмечаем, в своей жизни много чего повидал и испытал...*

– Сергей Иосифович показал, что такое гений на самом деле. Свой небольшой труд «Что делает человека гением» я написал именно на примере Параджанова. У меня есть цикл лекций на эту тему. Как-то в музее Параджанова в Ереване я читал лекцию, и один слушатель, широко раскрыв глаза, спросил: «А вы считаете гением себя?» «Конечно, нет!» – ответил я. Постараюсь объяснить свое представление. Гений должен воплощать в себе и дьявола и ангела во плоти вместе. Если он способен на такой размах натуры – значит, он гениален и может создать что-то такое, чего обычные люди не могут. Безусловно, они могут сделать и очень хорошее, и очень талантливое. Но талант и гениальность – разные понятия. Гений – выше таланта, и область его проявления гораздо шире. К тому же он может творить в современном социуме даже тогда, когда ему все мешают. Вспоминаю один эпизод, свидетелем которого я был. В 1982 году в Тбилиси приехал кинорежиссер Андрей Тарковский. Он был близким другом Сергея Иосифовича. Мы пошли в гости к киноредактору

Фото Юрия Мечитова. Коллаж Сергея Параджанова

Нелли Долидзе. Накрыт чайный стол, мы разговариваем о том о сем, и тут Параджанов внимательно смотрит на Тарковского и говорит: «Да, Андрей, ты очень талантливый человек, но не гениальный». Тот опешил от удивления. А Параджанов продолжил: «Потому что ты не гомосексуалист и никогда не сидел в тюрьме». Я ни в коем случае не занимаюсь пропагандой, но, видимо, Сергей Иосифович имел в виду, что человек, который находится в подобном пограничном состоянии, испытывает другие переживания. Между прочим, у Параджанова было исключительно утонченное, женское восприятие красоты.

– *Он создал новую эстетику в кинематографе. Его чувство вкуса было необычайно развито.*

– Да, потому что он рос в семье антиквара, и его с детства окружала красота. Это очень важно. Благодаря Сергею Иосифовичу я стал понимать красоту вещей, развил свой вкус. Чувство вкуса

– это навык, он не передается генетически. Еще хочу отметить, что Параджанов родился и жил в типичном тбилисском дворике, который сам по себе был театральной сценой, а все его соседи – участниками сценических действий. Такие дворы, к сожалению, постепенно исчезают, а в современных бетонных коробках вряд ли родится подобный гений. Параджанов считается основоположником поэтического кино. Он создавал красоту, которая должна была изменить мир к лучшему. Когда он снимал кино или делал коллажи, его главным словом было – «как красиво!». Слово «красиво» было для него божественным. Он не был религиозным человеком, но в его фильмах показаны ритуалы крещения, молитвы, вознесения хвалы аллаху. Он видел красоту в этих ритуалах. В свои картины он вкладывал очень много смыслов... А вы знаете, почему советское кино было очень интересным? Потому что надо было применять эзопов язык,

говорить другими словами, чтобы обойти существующие ограничения. А сказать другими словами – и есть искусство. То есть советская власть во многом непроизвольно подбивала художника на то, чтобы он создавал искусство.

– Свои лекции вы читаете в самых разных аудиториях. Какова их тематика?

– В этом году я был в трех городах Израиля, в том числе, в Тель-Авиве. Читал о Сергее Параджанове, о фотографии как виде искусства и о моем видении гениальности. Кстати, последняя тема больше всего заинтересовала аудиторию, наверное, потому, что каждый в душе считает себя гением. Скоро поеду в Ереван – запланированы лекции по четыре часа в день по студийному портрету. Но, прежде чем осветить этот вопрос, я считаю необходимым, в отведенные мне пять дней, рассказать и об основах фотографии – композиции, цвете, свете, тени, психологии. И только потом перейти к студийному портрету. Таким образом это будет обучение языку фотографии. Кстати, лекции я

читаю на русском, грузинском и английском языках. Добавлю, что в Тбилисской Академии художеств я являюсь ассоциированным профессором и руководителем программы. Вот уже несколько лет производится набор студентов по специальности «Фотоискусство».

– Какую из ваших лекций вы бы особо выделили?

– Вообще, я считаю одной из самых интересных лекцию о взаимоотношении культуры и искусства. Иногда их употребляют в одном контексте, но это разные понятия. Слово «культура» происходит от латинского cultus – «почитание», «поклонение». Значительными источниками формирования культуры является деятельность человека в области философии, литературы и искусства. В результате этой деятельности создается свод правил, предписывающих человеку определенное поведение. Культура является охранной системой. А искусство осуществляет прорыв, оно заставляет тебя видеть по-другому и может создать то, что впоследствии утверждается как культура. То есть, в моем представлении

культура находится в определенных стабильных рамках. Искусство – тоже в рамках, но с возможностью выхода из них. Правда, утвердить в обществе новый подход, новое направление очень сложно. Я часто привожу пример рваных джинсов. В 60-е годы возникло движение хиппи, которые были противниками сложившихся потребительских устоев жизни и сторонниками свободы, в том числе в любви, в одежде. Они ходили в грязных рваных джинсах. Хиппи исчезли, а рваные джинсы остались – они уже являются не протестным знаком, а сегодняшней культурой и традицией. Так же произошло с майками, на которых изображен известный аргентинский революционер Че Гевара, участник революции на Кубе. Раньше он был символом. А если спросить сегодняшнюю молодежь, кто это такой – мало кто ответит.

– Можно привести пример появления в изобразительном искусстве таких новых направлений как импрессионизм, а затем и постимпрессионизм. Картины Мане, Ренуара, Моне, Ван Гога и многих других даже не выставлялись на ежегодных выставках в Париже. Их полностью игнорировали. Правда, в начале прошлого века российские фабриканты братья Михаил и Иван Морозовы, а также Сергей Щукин, обладавшие удивительным художественным чутьем, стали регулярно покупать картины этих художников. Теперь эти работы украшают Эрмитаж в Санкт-Петербурге и Музей изобразительных искусств имени Пушкина в Москве. Прошло время – и оба направления превратились в культуру.

– В культуру, которую все признают. А вначале был вызов. Конечно, это замечательные произведения. Однако, когда направление уже утвердилось, оно постепенно как бы приедается. И появляется новое, например, сюрреализм, который основывается на сфере подсознания. И тоже поначалу не принимается. А вот абстракционизм, в моем представлении, отходит от искусства все дальше и дальше. Для меня искусство – когда человек хочет что-то сказать. В совре-

менных направлениях ничего, близкого к искусству, не вижу. Иногда слышу словосочетание «занимается искусством». Для меня это звучит похабно. Можно любить и можно «заниматься любовью». Разные понятия. Можно быть в искусстве и заниматься как бы искусством. Создавать искусство может тот человек, который думает о том, как своим творением изменить мир к лучшему. Другое дело, как у него это получится.

— *Вы фактически являетесь летописцем современной истории нашего города, его жителей.*

— У художников, поэтов особо обостренное чувство современности. Меня порой упрекают за широкий круг интересов — стоит, мол, больше заниматься собственно фотографией. Но я объясняю, что мое творчество связано с разными аспектами нашей реальной жизни. Я же не сказки рассказываю. В любой моей фотографии присутствует *memento mori* — помни о смерти. Есть разные смысловые трактовки этого выражения, в том числе и призыв действовать здесь и сейчас. Самое лучшее, что я сделал, это книга о десяти моих ушедших друзьях. Я их фотографировал в различных ситуациях в течение многих-многих лет. Фотографии сопровождаются литературным текстом. Книга есть и в электронной форме. Сейчас переводится на грузинский язык. Я бы сам пере-

вел, но хочу, чтобы перевод был на достойном уровне грузинского литературного языка. Это фактически новый жанр.

— Вы очень разносторонний человек. Не пытались рисовать?

— Я могу рисовать. Но считаю, что это ни к чему. Еще не все снято, поэтому лучше уж буду снимать и писать — этому я уже научился. Конечно, в графике и в живописи тоже еще не все сказано, но в этой сфере надо быть гениальным человеком. Например, Кети Мелкадзе нашла новую форму в изобразительном искусстве. Однако подобное мало кому дано.

— *В музыке еще никто не превзошел Моцарта или Бетховена.*

— Конечно. Все новое, что сейчас в музыке делается — это фактически перепев старого или какая-то компиляция. Мне кажется, последний музыкант, который на самом деле сделал что-то новое — это Иэн Андерсон, лидер британской рок-группы «Jetho Tull». Поэтому я его часто играю на гитаре. Обожаю его песню «Темные времена». Но и у Андерсона тоже материал исчерпался.

— *Вы и на гитаре играете!*

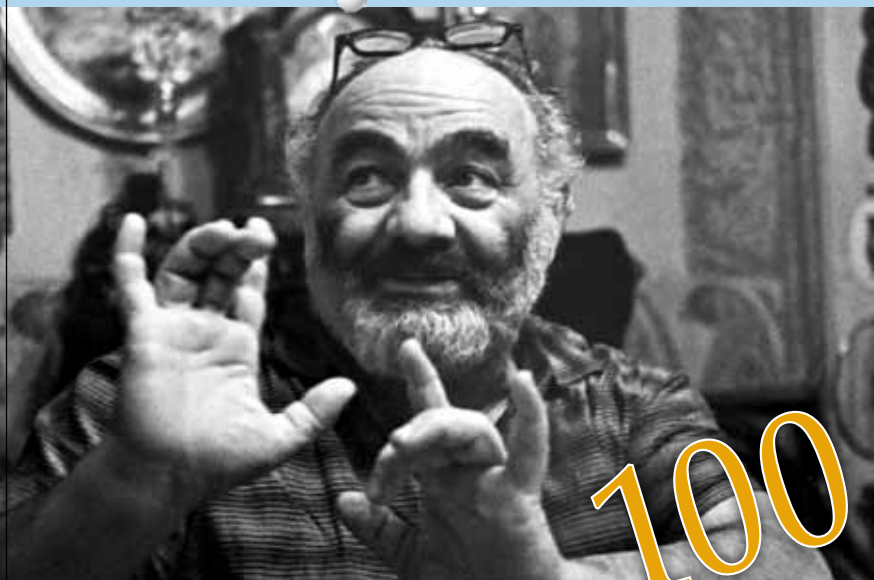
— Впервые взял гитару в руки три года назад и сам научился...

— *Юрий Михайлович, так сможет ли культура изменить мир к лучшему?*

— Мы живем в такое время, когда культура находится под серьезным ударом. Да и вообще

сами основы человечества могут быть разрушены. Невозможно создавать все время только хорошее и прекрасное, тем более в мире, который далеко не хорош и не прекрасен. Но у человека по-прежнему остается естественное желание проявить себя, утвердиться. А так как все великое уже построено и создано, то человек самоутверждается через разрушение. Комплекс Герострата никто не отменял. И это относится не только к культуре.

P.S. Однажды, в далекой молодости, я увидел телевизионную передачу, в которой один пожилой человек сказал: «Не дай Бог, но в случае пожара в доме в первую очередь спасайте семейный альбом. Все остальное можно купить или восстановить». Я запомнил эти слова. А пару лет назад в одной из программ показали одного известного певца, который приехал в свое родное горное село. Там осталось очень мало жителей. Певец вошел в заброшенный дом своих предков, практически пустой. Открыл дверцу письменного стола — там лежал только старый семейный фотоальбом. Он листал его и тихо говорил, для себя: «Интересно, кто это? А это кто? А это, может быть, мой отец в детстве?» Его грустное выражение лица я не могу забыть...

УЛЫБКА ПАРАДЖАНОВА

— Валерий ХАРЮТЧЕНКО

Нимб над головой

По проспекту Руставели, перекресток друга друга, неслись машины, по тротуару медленно шел человек в лучах заходящего солнца. Седая голова его будто светилась. Слово нимб витало над его головой. Осенний ветер гнал по небу облака, срывая с крон деревьев алые листья и бросая их под ноги. Вокруг сновали люди. Ветер толкал их в спины. Все куда-то спешили. Человек остановился. Он явно устал, присел на каменные ступени. Мимо проносились машины, облака, листья, люди, гонимые ветром. Человек тяжело дышал. Ему было нехорошо. Он присидел, не двигаясь, полчасика и, поправив нимб над головой, попытался подняться, но не смог. Он вновь опустился на ступени и тихо засмеялся. Затем предпринял вторую попытку. На этот раз его поддержал порыв ветра, и человек встал на ноги. Север был на севере, запад на западе, восток на востоке, юг на юге. Люди, любите друг друга! — шуршали листья под ногами.

Волею судеб

Я — Валерий Харютченко, актер Тбилисского театра имени Грибоедова. Родился на остро-

ве Шумшу Курильской гряды. Когда-то это был действующий вулкан, не исключено, что он еще проснется. Я чувствую, какие-то атомы его энергии проникли в мое существо. Так что родина моя — остров-вулкан, со всех сторон омываемый Тихим океаном. И я — островитянин. В Москве я окончил Высшее театральное училище имени Щепкина. Волею судеб по приглашению режиссера Гиги Лордкипанидзе оказался в Тбилиси. Как странно и интересно! Я работаю в театре Грибоедова, живу на улице Грибоедова, играл роль Чацкого в пьесе Грибоедова, из моего окна я вижу церковь на Святой горе — Мтацминда, где похоронен Грибоедов. Еще будучи студентом, я увидел потрясающий фильм Сергея Параджанова «Тени забытых предков». Выйдя из кинотеатра, я долго стоял перед плакатом, на моих глазах были слезы. Слезы восторга и печали. «Если бы этот фантастический художник был моим учителем, я был бы счастлив!» — думал я.

Зазеркальный мир

Однажды друзья привели меня в святая святых — место паломничества, тбилисскую оби-

тель Мастера. К этому времени я уже увидел и его гениальный фильм «Цвет граната». Мы вошли в дом промозглым вечером — была ранняя зима, слякоть, моросил дождик — и попали в зазеркальный мир Параджанова, мир его коллажей, графики, кукол, шляп, гипертрофики, остроумия и гостеприимства. Когда мы вошли, словно магические лучи пронзили меня. Они исходили от самого маэстро, его глаз, улыбки и, конечно же, от его фантастических работ. Дыхание мое перехватило. Я почувствовал, что даже уснувший вулкан на острове Шумшу приоткрыл свои пепельные глаза и, пораженный увиденным мной, уже готов был взорваться вулканическим восторгом, но маг Параджанов охладил нас бокалом янтарного вина. За большим столом собралось много людей, все шутили, смеялись, говорил Параджанов — образно, ярко. Все внимали ему. Сергей Иосифович стал обсуждать одного режиссера. Это был очень едкий, саркастичный рассказ об этом человеке. Публика смеялась, поддерживала его юмор и не заслуженные этим режиссером характеристики. Я прервал Параджанова, сказав, что не могу согласиться с ним: «Я хорошо знаю и уважаю его». И дал свою оценку. Тема сменилась. Разговор продолжился. Следующим объектом Сергея Иосифовича стал Паоло Пазолини, которого он боготворил. Время пролетело очень быстро. Наступил рассвет. Когда мы вышли на террасу, то буквально обомлели: мир был чист, бел и тих. Выпал первый снег. Фантастика! Совершенно в духе Параджанова. Перед нашим уходом Сергей Иосифович подозвал меня и сказал: «Знаешь, наверное, я был не прав. Извини». Параджанов говорил искренне. И это было как очищение. Я испытал благостное чувство и был ему очень благодарен. «Параджанов — и демон, и ангел!» — подумал я.

Батяка Серго

Он был справедливым и заботливым человеком. В любое время к Параджанову могли прийти какие-то люди с дарами от его друзей. Кто-то присылал жареного поросенка, кто-то — индейку, сыр, вино, кто-то — овощи

и фрукты и прочее. Сергей Иосифович давал распоряжения: «Отнесите это соседу, у него много детей! А эту индейку и вино — другому, у него сын женился, а ему нужны силы, а то опозорит нас! Смотрите не слопайте все сами по дороге!». Гонцы разносили подарки, потом все вместе веселились, выпивая и закусывая.

Однажды к Серго прибежали соседи, молодые курды, с просьбой спасти их друга, который работал на киностудии «Грузия-фильм» осветителем, сильно проштрафился, и Резо Чхеидзе, директор студии, уволил его. Параджанов как следует отчитал провинившегося, а потом мы все вместе поехали на киностудию. Теперь представьте: пестрая толпа, возглавляемая батькой Серго, по центральной лестнице административного здания вваливается на второй этаж и по коридору с шумом направляется к кабинету Чхеидзе. Вдруг Сергей Иосифович падает на колени. Все в шоке, особенно директор, который в этот момент вышел из своего кабинета. «Серго, что с тобой? — воскликнул он. — Встань сейчас же!» — «Не встану!» — «Серго, не позорь меня! Не позорь себя! Что случилось? Сейчас появится иностранная делегация, а ты стоишь передо мной на коленях. Вставай, пожалуйста!» — умолял Резо. «Чтобы нам не было стыдно, восстанови на работе лучшего в Грузии осветителя! Верни этого парня, у него тетя болеет! Иначе он утонит!» — «Я обязан его наказать!» — «Наказал, а теперь прости, ты же добрый человек!». Послышались голоса прибывшей «делегации». «Хорошо, пусть возвращается на работу, но это в последний раз! Да вставай же наконец!» Параджанов радостно вскочил на ноги и бросился обнимать Резо. «Серго, угомонись!» — засмеялся Чхеидзе. В коридоре показались иностранцы. Узнав Сергея Иосифовича, они зааплодировали: «Браво, Параджанов!». «Браво, Чхеидзе!» — добавил Серго.

Магический сундук

Конечно, я не мог не познакомиться моего брата Сашу, Александра Харютченко, композитора и последнего ученика Арама Хачатуряна, с Сергеем Иосифовичем. «Какую музыку ты пишешь?» —

спросил маэстро, оценивая брата своим рентгеновским взглядом. «Гениальную!» — не моргнув глазом, ответил Саша. Параджанов: «Я сразу понял, что мы с одной поляны!» И оба рассмеялись. «Жаль, что нет какой-нибудь фисгармонии, — сказал Серго, — а то сыграл бы что-нибудь!» — «Не беда, используем природный инструмент», — ответил брат. И разразился танцем с саблями Хачатуряна, сыграв на собственном горле. Сергей Иосифович был в полном восторге. И в благодарность преподнес Саше последнюю пуанту Майи Плисецкой. Саша попытался возразить: «Ну что вы? Я не могу это принять, ведь она же последняя!» — «Мне ничего не жалко для таланта. Тем более что их у меня полсундука!» И Параджанов распахнул свой магический сундук, наполненный последними пуантами Плисецкой, шляпками для Незнамонок и ароматом старинных духов. Еще там пылилось то, что было для Параджанова самым дорогим — его сценарии, по которым великому шаману так и не удалось снять свои новые шедевры. На мгновение погас свет и вновь вспыхнул. На плече Серго сидел маленький ангел. Мне показалось, что он подмигнул нам. Параджанов, улыбнувшись, сказал: «Это мой ангел-хранитель! Он захотел на вас взглянуть. Дотроньтесь до него!» Ангел был мягким и теплым. Сергей Иосифович бережно положил его в сундук, сказав: «Пусть отдохнет. Иногда по утрам он рассказывает мне свои сны».

Изумруды на торте

Его образы, видения приходили с небес. Он был приемником того, что посылало мироздание. И расшифровывал знаки, тающие, словно снег на ладони. Человек, поцелованный Богом, — заложник своего дара. Он, словно Сизиф, катит свой камень на вершину горы. Истинное творчество — сплав света, мрака, любви и боли. Параджанов подобен канатоходцу, идущему без страховки под куполом цирка. Он шут и Пьеро, взрослый ребенок и вечно молодой старик. Его смех переходит в слезы, а слезы — в смех. Такова пластика его парадоксальной души лицедея. Смейтесь же, люди, смейтесь до слез!

Только вот слез Серго, я думаю, никто не видел. Ведь человек, как говорится, рождается для радости. В любое время года он выходил из дома с вечно открытыми для всех дверями и, обнявшись с ветром, шел на поиски своего клада. Найдя в какой-то подворотне засохший торт, довольный, приносил его в свою обитель, реанимировал — давал новую жизнь и, украсив изумрудами чистой воды, превращал в арт-объект. А не верящим в подлинность камений, предлагал попробовать их на зуб. И никто не мог увильнуть: кусали, а потом хохотали, убедившись, что эти изумруды действительно подлинные — настоящие зеленые мармеладные конфеты.

«Все мы в этом мире путники»

Я вступил в армию его друзей, при этом оставаясь островитянином. «Что ты так редко приходишь? Приходи почаще, учись, пока я живой!» И я учился. Учился смотреть и видеть, но своими глазами, ощущать, но своею душой. Кто-то считает себя учеником Параджанова и, подражая ему, загоняет себя в угол. Уж больно тонкая это вещь — его язык, стилистика. Копия лишена импульса мастера. Творчество художника несет в себе энергию его личности. Когда Параджанов шутил, в глазах его таилась печаль. «Печальный демон, дух изгнания, летал над грешною землей...» Расколот мир, разорвана нить гармонии. Оттого и душа болит. Думаю, желание созидать красоту вело талант Серго. Демон был отлучен от людей, но он страстно желал быть нужным этому бренному миру. «Знаешь, в моем сундуке лежит сценарий по лермонтовскому «Демону». Если бы у меня получилось снять фильм, то на роль Демона взял бы Вячеслава Дворжецкого. Глаза у него подходящие — большие, горящие. Как на картине Врубеля. Или изумруды на моем торте». Тут глаза Серго загорелись. «Я придумал одну сцену, слушай. Буря в горах. Одиноким путник скачет на белом коне по узкой тропе. Он сбился с пути. Конь хрипит, встает на дыбы. Ливень размывает дорогу. С гор обрушивается камнепад. Гремит гром. Сверкают молнии. Путника охватывает паника, ужас. Вдруг где-то вдали

он видит огонь, словно кто-то зажег маяк для заблудившегося во мраке бушующей ночи. Человек скачет на этот огонь, он, словно ночная бабочка, летит на манящее пламя. Спасительный свет все ближе, сердце бьется все радостнее. Он спасен! Но внезапно на его пути возникает пропасть, и путник срывается в нее. Бездна поглощает несчастного, и лишь небо оплакивает погибшего человека. На вершине горы стоит демон – печальный дух изгнания. Это он зажигает огни на вершинах гор, заманивая людей надеждой на спасение, раскрывая им свои ледяные объятия. Все мы в чем-то демоны и уж точно все мы в этом мире путники!» – «Сергей Иосифович, это потрясающе!» – «Знаю! А «Демон»-то лежит себе в сундуке, как в саркофаге. Боюсь, как бы пожар не устроил. А я все сижу на сундуке, как наседка на яйцах, а время горит! Видишь, сколько людей рядом со мной тусуется, очередь, прям как в мавзолей. Но вон посмотри: стекло в форточке разбито, и дует в голову, а никто этого не замечает». Я покачал головой. «Думаешь, не знаю многим из них цену? Знаю. В глаза хвалят, льстят, а за спиной говорят, что я изжил себя, повторяюсь. Но ничего, завтра вновь чепчики к потолку полетят. Ничего, люди в душе все добрые!»

Исповедь

Однажды я решился исповедаться Мастеру, рассказать о своих режиссерских замыслах. Говорил о Шекспире, Достоевском, Кобо Абэ, Гоголе, Олби. Он слушал молча. «Что скажете, Сергей Иосифович? Мне продолжать думать о режиссуре?» – «Что бы я ни сказал, ты ведь все равно будешь думать о ней?» – «Буду!» – «Вот и продолжай! Знаешь, когда слушаю других, почему-то устаю. Ты меня не утомил. Что-то мне понравилось больше, что-то меньше. Ты тоже шаман! Не боишься, что я что-нибудь украду?» – «Буду только счастлив!» – ответил я. И мы оба рассмеялись. «А вот это – не знаю, подсмотрел ты это где-нибудь или подслушал – на уровне моего учителя Довженко». Дело в том, что я рассказал ему о своем решении сцены с

ключевым монологом из пьесы Сухово-Кобылина «Смерть Тарелкина», когда мой Тарелкин «перепрыгивал через самого себя», якобы покоящегося в гробу. Тем самым он опровергал поговорку «невозможно перепрыгнуть... через свою судьбу». Этот, можно сказать, метафизический прыжок и вызвал такую оценку мэтра. «Так что кончай играть в Грибоедовском своих геройчиков, иди ко мне вторым режиссером на «Ашик-Кериба», – предложил Серго. В тот период начинались съемки этой картины. От неожиданности такого предложения или его очередной шутки я потерял дар речи. «Что, боишься? Репутацию испорчу?» И, лукаво улыбнувшись, он добавил: «Зато прославишься!» «Сергей Иосифович, ведь я мечтал о вас!» – «Ну, вот и не дури! Ладно. Знаешь, я давно хочу поставить «Гамлета» в театре. Давай с тобой! Хотя ты начнешь свою психологию разводить, а я ведь чистый формалист!» – «Сергей Иосифович! Формализм, психологизм – везде свой «изм». Главное – ваш талант, а это – сама метафизика!» – «Хорошо! Поговори, с кем нужно, в Министерстве культуры тебя ведь, наверное, знают». Сам он, видимо, опасался услышать отказ. К великому сожалению, так и произошло! Параджанова в театр не захотели впустить: высокие чиновники побоялись его непредсказуемости, сказали, что маэстро своей неуправляемой фантазией взорвет Грибоедовский. А это скандал. Жаль, ведь мог быть грандиозный скандал! Глядишь, Феллини с Тонино Гуэрра нагрянули бы! Тогда они еще были живы.

Последняя встреча

Последняя моя встреча с Сергеем Иосифовичем произошла в 1990 году, на следующую ночь после Старого Нового года. Мы вместе с художником Ларисой Федоренко, моей первой женой, постучали в дверь Параджанова. Появился Миша Ляшенко, который был постоянно рядом с уже тяжелобольным Серго и помогал ему. «Он спит!» – шепотом сказал Миша. «Кто там?» – послышался слабый голос Параджанова. «Это Вале-

рий!» – «Впусти!» Мы вошли. Из полумрака комнаты, бесшумно двигаясь, появился Сергей Иосифович. Улыбнулся. «Почему не пришли вчера? Было много людей, шутили!» – «Я хотел увидеть вас, когда не будет много людей». – «Выпей за мое здоровье». И налил мне большой бокал водки. Я выпил и захмелел. Сергей Иосифович сказал: «Знаешь, у меня сильно болит голова, и я боюсь». Я взял его голову в свои ладони, и он положил ее на мое плечо. Я сказал: «Не бойся, Сережа, все будет хорошо!» Лариса одернула меня: «Ты что? Какой он тебе Сережа?» «Не мешай ему, он знает, что говорит!» – сказал Серго. Мы сидели так довольно долго. Я хотел помочь, облегчить его боль. Серго был как доверчивый ребенок и, кажется, задремал. Потом открыл глаза и сказал: «Мне что-то приснилось, но не помню что. Пойдем в ту комнату, я кое-что тебе скажу». Мы пошли. Серго сел на тахту, накрытую ковром. Долго молчал. Потом как-то странно посмотрел на меня – вернее сквозь меня – и произнес: «Знаешь, я ничего не чувствую». – «Что, боль прошла?» – «Вроде затихла. Но я ничего не чувствую. И тебя не чувствую – ничего!» Я взял его руку и прижал к своему лицу. Со стены на нас смотрели печальные глаза его Моны Лизы.

В июле 1990 года после тяжелой болезни Сергея Иосифовича Параджанова не стало.

В 1991-м я поставил свой первый самостоятельный спектакль «Заплыв по реке забвения» по мотивам повести Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту». Позднее были другие мои экспериментальные постановки – «Мне скучно бес... Чурчур меня!» по драматическим произведениям А. Пушкина, «Мистическая ночь с Сергеем Есениным, или Прыжок в самого себя» по собственной пьесе, «Зона турбулентности, или В поисках потерянного рая» по мотивам пьесы Э. Олби «Что случилось в зоопарке». Если бы Сергей Иосифович был жив и увидел мои работы, думаю, он во многом одобрил бы мой поиск.

Пушкин в музее Параджанова

В 2000 году по приглашению директора Ереванского музея Сергея Параджанова Завена Саркисяна, создавшего этот замечательный дом памяти выдающегося кинорежиссера, я сыграл в нем свой авторский моноспектакль «Мне скучно, бес... Чур-чур меня!». Это было незабываемое впечатление. Представьте, на стенах фантастические коллажи, графические работы, невероятный, иррациональный мир художника. А в глубине выставочного зала огромный портрет Сергея Иосифовича. В передней части музейного пространства были расставлены стулья для зрителей. И вот между публикой и портретом маэстро я должен был представить образы пушкинских героев – Скупого рыцаря, Сальери, Дон Гуана, Бориса Годунова и Председателя из «Пира во время чумы». На второй этаж музея вела мраморная лестница. Пока собирались зрители, я, уже в костюме Скупого рыцаря и в маске, ожидал на втором этаже, когда подадут сигнал к началу спектакля. И вдруг по мраморной лестнице, с желанием увидеть экспонаты, выставленные на втором этаже, поднимается представительная пара. Что делать? Спрятаться нигде, а общаться с ними в качестве Скупого рыцаря никак нельзя – могу испугать. Мгновенно оказываюсь в кресле и замираю – становлюсь куклой, параджановским арт-объектом. Пара с интересом рассматривает экспонаты выставки и неотвратимо приближается ко мне. Я сижу не шелохнувшись. И вот они уже рядом со мной. «Посмотри, дорогой, – говорит дама, – какая прелесть! Сидит как живой, а сам ведь кукла!» «Дорогая, – отвечает мужчина, – взгляни на его глаза, они как живые! Вот что значит настоящее искусство! Ай да Параджанов!» – «Только бы они не стали меня щупать!» – думал я. Но, слава Богу, обошлось. Впечатлившись, пара спустилась на первый этаж, а я с облегчением вздохнул. Тут подали сигнал, и, перекрестившись, я спустился к публике. Спектакль

прошел на одном дыхании. Зрители были довольны, бурно аплодировали. Атмосфера была по-настоящему творческой. С портрета глядел Сергей Иосифович, и глаза его улыбались. В книге почетных гостей я оставил поэтический экспромт, посвященный Мастеру.

Три дня, прекрасных дня,
в обители Певца,
Как лезвием острейшего
ножа,
Вспоровших мир обыденный
и пресный.
Его рука легка и тяжела,
Легка и тяжела,
как и его судьба,
В глазах печаль познания
И счастье творца.
И Арарат – Священная гора
– как сон, парящей птицей
возникает.
Туман спадает, тает.
А в озере любви
«Зеркальный карп».
Сверкают «Стамбул»,
«Парис», «Даная»
Вырастают «Паша»,
«Блудница»,
Проявляет мифический
рельеф «Голгофа»,
«Тайная вечеря» освещает
«Два профиля»,
И «Ностальгия» проливает
свое тепло
На «Смерть Высоцкого»
И «Скорбь» рукою обнимает.
Фантастически и весело
«Верблюд Сурамчик»
за горизонт шагает.
Там свет, там радугой
мерцает
Улыбка Параджанова.

Сон

Не так давно Сергей Иосифович приснился мне. Это был странный сон. Как будто, взяв в руку три картофелины, я отправился на поиски Параджанова. Шел по пустынным улицам незнакомого города, точно из фильма Ингмара Бергмана «Земляничная поляна». Остановился перед домом с колоннами и гранитной лестницей, поднялся по ней. Двери были распахнуты, словно приглашая войти. Я вошел. Пусто. Я крикнул: «Эй!». Никого. Я присмотрелся. В глубине полумрака зеленоватый свет настольной лампы освещивал маленькую женщину

в белом халате, сидящую за столом и что-то записывающую. На меня она не обратила внимания. Вдруг я услышал тихий вздох. На железной койке сидел человек, будто ожидая кого-то. В этой огромной белой палате было много железных коек. Они стояли ровными рядами. Это был какой-то приют. Человек, увидев меня, привстал и улыбнулся. Душа моя дрогнула. Это был Сергей Иосифович. Мы медленно пошли друг другу навстречу и обнялись. Я протянул ему три картофелины. Он с благодарностью взял. Тут я проснулся.

В измерении духовного мира, где сейчас и душа Серго Параджанова, все мы, возможно, когда-то встретимся... А пока мы живы, каждый должен нести свой крест. Мой крест – это театр. Живя жизнью своих персонажей, я ищу и открываю новые смыслы. И одним из маяков, освещающих мой путь, является Сергей Иосифович Параджанов.

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

Ровно в середине прошлого века, в 1950-м, в Тбилиси приехал по распределению 20-летний выпускник московского Государственного училища циркового искусства. Приехал с довольно заурядным номером эквилибриста на проволоке, который был тут же забракован местным начальством. А через год с холма, на котором над тбилисской площадью Героев вознесся цирк, этот же парень отправился в триумфальный путь по планете. Путь, принесший ему во многих странах, с легкой руки англичан, имя «Солнечный клоун». Звали этого молодого человека Олег Попов.

Впервые он увидел цирковую арену, когда ему еще не было десяти лет — в конце 1930-х отец привел его в московский бывший цирк Саламонского, переименованный в 1-й Госцирк, ныне — Цирк имени Юрия Никулина на Цветном бульваре. Представление вызвало у мальчика восторг, а особенно запомнился клоун в ярком парике, раздававший де-

тям столь дефицитные надувные шары. Дома Олег долго не мог налюбоваться на этот подарок, потом сдул шарик и заложил между страницами любимой книги — чтобы не пропал. Через много лет, выходя на арену, он сразу же раздавал детишкам шарики...

А перед войной отца «взяли». Он был бригадиром сборщиков на Первом часовом заводе, основанном по личному приказу Сталина. Используя специально закупленное оборудование американских компаний Ansonia и Dueber-Hampden, там выпускали и те часы, которыми вожь всех народов награждал отличившихся передовиков, военных и вручал в качестве подарков иностранным гостям на банкетах в Кремле. И надо же было случиться так, что в одном из подарочных экземпляров не сработал завод.

Естественно, «органы» увидели в этом вредительство, и вся бригада во главе с Константином Поповым сгинула в ГУЛАГе. Пришлось семье бригадира кое-как

выживать на материнскую мизерную зарплату ретушера фотографий. К тому же у Поповых отобрали две комнаты в коммунальной квартире и передали их доценту института, который преподавал химию и часто ставил опыты дома. Все называли его инженером-химиком, и такое соседство оказалось спасительным, когда началась война.

«Я все время в детстве думал: «Хоть бы не умереть с голода». Тогда у меня была такая мечта: война закончится, и мы с мамой будем пить чай с сахаром, есть белый горчичный хлеб с маслом... Что я больше всего вспоминаю? В первую очередь маму. У нее такая жизнь трудная была, не передать. Помню, я ем кашу, а она смотрит на меня и плачет. Это я потом узнал, почему. Мама тоже была голодная, но отдавала свою кашу мне...»

Мыло было дефицитом, тем более такое, какое варил химик — ароматное, разноцветное, выглядевшее так, что Олегу хотелось

Олег в школьные годы

откусить кусочек. Боясь, что соседи могут донести на его незаконный промысел, химик предложил Олегу продавать мыло на рынке и забирать четверть выручки. Это помогло Поповым выжить, но Олег голодал все детство и всю юность. Сладкий чай и бутерброд с колбасой почти до двадцати лет были для него заветной мечтой! А и в пятьдесят, и в шестьдесят лет, он просыпался в холодном поту: «Приснилось, что снова наступил голод...»

В 14 лет, как и миллионы советских мальчишек, он становится к станку. Друзья отца рассказали, что на полиграфический комбинат «Правда», где выдавали повышенный хлебный паек, опытному слесарю нужен ученик. Претендентов на это место было еще четверо, все старше Олега, ему даже подставили ящик, чтобы он доставал до станка. Выполнив проверочные задания, конкуренты сели отдыхать, а Попов убрал рабочее место, подмел и выбросил стружки. И старый слесарь выбрал именно его.

Вскоре Олег освоил все виды станков, научился делать из металла филигранные вещи. И это дало ему право спустя много лет советовать молодежи: «Всем на-

чинающим клоунам я бы советовал специально слесарное дело изучать. Реквизит – твой партнер. И чем партнер лучше, тем лучше и выразительнее твоё выступление. Сам для себя ведь плохо не сделаешь!».

А от станка на арену цирка его привело... все то же недоедание.

В обеденные перерывы молодые полиграфисты играли в футбол на 5-й улице Ямского Поля. Среди партнеров были и крепкие, ловкие спортсмены, оказавшиеся студентами циркового училища, которое находилось неподалеку. И выяснилось, что им выдавали большой хлебный паек, чем на комбинате «Правда». Не 550, а 650 граммов – учитывая, что им приходилось тратить много сил на сложные трюки.

Тут, как признавался сам Попов, «все решила хлебная карточка». С 1944 года он – студент московского Государственного училища циркового искусства: «Я сразу же в цирк влюбился, можно сказать, насмерть. Никогда не забуду, как, уже будучи студентами, мы с друзьями лазали через забор цирка на Цветном бульваре, чтобы зайцем проскочить в зал. Смотрели, как выступают готовые артисты, учились».

Учился он очень успешно. Педагоги разу заметили ловкость, с которой Попов выполнил норму первого разряда по гимнастическим прыжкам, и его удивительное чувство баланса – он носил на лбу, не роняя, различные

предметы, а с полным стаканом воды на голове запросто гулял по училищу. Так что было решено: он будет работать эквилибристом на канате. В этом жанре два вида: «канатоходцы на туго натянутой проволоке» и «канатоходцы на свободной проволоке». Второй гораздо труднее, при неправильном подходе с этой проволоки падают вертикально вниз головой, легко можно сломать позвоночник. Попова это не останавливало. В то время студенты первого и второго курсов физкультурно-акробатического отделения занимались все вместе: учились стоять на руках делать сальто, балансировать на бочках...

С третьего курса шла специализация: воздушный полет, акробатика на подкидных досках, эквилибристика. У старшекурсников уже были готовые номера, по уровню исполнения которых они вполне могли предстать перед зрителями. И педагоги разрешали им «халтуру» – концерты-подработки на публике. Третьекурсники сами договаривались о такой подработке – в школах и детских садах, на предприятиях и в воинских частях. Передавали «халтуру» друг другу, ездили почти ежедневно и к окончанию последнего, четвертого, курса были уже настоящими профессионалами с опытом в 200-300 концертов.

Да вот Попову возить с собой на всех видах транспорта – от

О. Попов в мастерской

Тбилисский цирк

метро до поездов – аппаратуру для «свободной проволоки» и потом настраивать ее на различных сценах было очень тяжело. И преподаватель основы актерского мастерства и клоунады Рудольф Грилье, выделявший Олега среди других, предложил ему разыгрывать вместе с другими ребятами старинные клоунады и репризы.

Брали их из книги Дмитрия Альперова «На арене старого цирка», да еще инсценировали актуальные анекдоты и слухи, популярные газетные фельетоны. После многочасовых репетиций начинались поиски «халтуры», за которую часто платили просто едой. Грилье, Попов и студент Борис Шульгин ездили на электричках в Орехово-Зуево, Подольск, Серпухов, новые репризы репетировали прямо в тамбуре, за проезд не платили, удирая от контролеров из вагона в вагон.

Мама сшила Олегу нелепый пиджак, сделала ему «дику» прическу, и клоунада пользовалась у публики самым большим успехом. Приносила она неплохие доходы, значительную часть которых забирал Грилье, организовывавший договорные концерты. А главное, такие поездки дали Попову огромную клоунскую практику, апробированную на публике. Всю жизнь потом он легко сочинял для себя репризы и придумывал клоунские ходы. В его репертуарном листе официально зарегистрированных реприз было свыше двухсот, тогда как у большинства современных

клоунов – не больше пяти-шести реприз.

В 1950 году Олегу исполнилось двадцать лет, и он готовился к выпуску из училища. Один из самых прогрессивных режиссеров Сергей Морозов решил сделать с ним номер, далекий от идеологии – с образом эксцентричного блондина. В элегантном костюме, в шляпе, с тросточкой он прогуливается по «свободной проволоке», с нее знакомится с униформистами и зрителями, начинает готовить себе обед, ловко жонглирует посудой и крутит ее на палочках. А поев и угостив окружающих, укладывается на проволоке спать.

При этом он не выглядел советским человеком, казалось, что в цирк забрел беззаботный заграничный денди. И именно поэтому на маленькое представление обрушиваются все, кто только может. Искусством тогда правило разгромное постановление ЦК компартии «О журналах «Звезда» и «Ленинград», а газета «Правда» возглавила борьбу с «космополитизмом и апологетами зарубежной культуры». Эта борьба не минует и аполитичный цирк с его короткими юбочками, костюмами в блесках, яркими париками и гримом.

А тут Попов должен выпуститься из училища с «прозападным номером». Собирается худсовет училища, на его заседании приходят начальники из «Союзгосцирка», и начинается травля: «Это эстетство и космополитизм! Где наш пролетарский

Владимир Кавсадзе

парень? Что за костюм? Где народные традиции?» В итоге Попову письменно запрещают где-либо исполнять этот номер, он не выпускается вместе со всеми, остается на лето в училище. Но при этом пишет жалобу в «Комсомольскую правду», газета берет его под защиту, и в училище для него спешно «лепят» нечто неброское и заурядное. А для того, чтобы о скандале никто не узнал, выпускника-неудачника отправляют как можно подальше. За Кавказские горы, в Тбилиси.

А там директором цирка – огромный, добрейший человек с внешностью борца-тяжеловеса и званием народного артиста Грузинской ССР, полученным за оперные и опереточные теноро-

Первые клоунские репризы

вые арии. Владимир Кавсадзе, еще гимназистом, в начале XX века пел вместе с братьями и сестрой в хоре своего дяди Сандро Кавсадзе, фольклориста и близкого друга Сталина в годы его учебы в Тифлисской духовной семинарии, одного из основателей знаменитого народного ансамбля песни и танца Грузии «Эрисиони». Владимир выступал в театрах оперетты Москвы, Петербурга, Оренбурга, Таганрога, Смоленска, участвовал в основании Ташкентского музыкального театра. В 1926 году, уже будучи солистом Тбилисского оперного театра, прославился ролью князя Пантиашвили в немом фильме «Ханума», был одним из создателей грузинской эстрады. Потом возглавлял Грузинскую государственную филармонию, Тбилисский государственный цирк. Словом, в искусстве он прошел огонь, воду и медные трубы, любил актеров всех жанров, знал, чем и как они живут, помогал малоимущим и многодетным. За это никто не называл его иначе, как «папа Ладо».

И вот приходит к нему молодой человек и говорит, что диплом и распределение ему дали, а коронный номер запретили. Просмотрев никчемный номер, с которым Олега прислали в Тбилиси, папа Ладо скривился, но заявил, что оставить парня без зарплаты не может: «Ты лучше ходи по кругу. Будешь выходить в парад-алле перед началом представления, сделаешь два круга с поднятой ладонью — и деньги твои. А пока что-нибудь придумай. Может, какой-нибудь другой вариант номера». Это был поступок благодетеля, ведь, чтобы получать зарплату, артист обязан был не только участвовать в парадах, но и работать свой номер.

Два месяца Олег получал в табеле запись «рабочий день» за то, что просто делал пару кругов, подняв руку. А в свободное время продолжал шлифовать «опальный» номер. Это не могло укрыться от папы Ладо, который с удивлением и интересом смотрел на забавные и эффектные, не знакомые ему трюки и мизансцены: «А это что такое?» И услышав, что это тот самый запрещенный номер, приказал: «Вот что, сынок, одевайся и гри-

С первой женой и дочкой

мируйся. Посмотрим тебя на публике».

Выступление Олега прошло «на ура». Настоящий «западный» номер с элегантным денди привел тбилисцев в восторг. А когда Олег, разгримировавшись, предстал перед папой Ладо, тот дал ему... оплеуху. «За что?» — «За то, что два месяца мне голову морочил!» — «Так ведь этот номер запрещен!» — «Это у вас в Москве он запрещен. А здесь, в Тбилиси, будешь работать его каждый день!». Что ж, как известно, Грузия далеко не всегда жила по советским законам. Даже анекдот был: «Когда в Грузии наступит коммунизм? — Никогда. Партия сама сказала, что коммунизм не за горами. А Грузия именно за горами».

Так, с благословения Владимира Кавсадзе, в грузинской столице началась артистическая карьера Олега Попова. Поначалу как «эквилибриста на свободной проволоке». В 1951 году его включают в группу московских артистов, гастролировавшую по Советскому Союзу, и его эффектное выступление входит в фильм-концерт «Арена смелых», снятый через пару лет будущим автором киноэпопеи «Освобождение» Юрием Озеровым для рекламы советского цирка перед гастролями в разных странах мира.

В том же 1951-м лучший

тогда клоун страны Карандаш (Михаил Румянцев) расстается с двумя своими молодыми помощниками — Юрием Никулиным и Михаилом Шуйдиным. С Шуйдиным он поссорился, а Никулин ушел сам, в знак солидарности с другом. Потом он вспоминал: «Уходя от Карандаша, я переживал наш разрыв. В душе жалел его... Но жалеть нам нужно было самих себя, потому что Карандаш быстро нашел себе новых неплохих партнеров, начал с ними работать, а мы с Мишей попали в положение незавидное...»

Одним из этих «неплохих партнеров» был Олег Попов: «Карандашу понравился мой номер — я выступал как эквилибрист-комик на слабо натянутой веревке (на Молодежном фестивале), и он взял меня в свою труппу. А потом пригласил участвовать у него в репризах. Когда он получил отпуск, меня командировали на гастроли в Саратов. Так случилось, что клоун саратовского цирка Бровкин сломал ребро, и дирекция, зная, что я работал с самим Карандашом, предложила мне подменить его. И я в течение двадцати дней работал соло — коверным клоуном».

Через несколько месяцев работы с Карандашом Олег оказывается в Молодежном коллективе. Берет псевдонимы — то Чижик, то Запоздалкин, а со

Знаменитая реприза «Лучик»

второй половины 50-х выступает уже под своей фамилией. В те же годы женится на выпускнице музыкального училища по классу скрипки. А точнее, уводит ее у жениха. Александра пришла к тому на его работу в цирк, и Олег сказал коллеге: «Ты хотя бы мороженое ей купи!» В ответ: «Иди и сам покупай». И Попов, сбегав на улицу, преподнес девушке эскимо. Девичье сердце было покорено, потом — свадьба, рождение дочки Ольги.

В тот период он вновь приезжает в Тбилиси. Но выступить не удастся — за окном март 1953-го, умирает Сталин: «Какой смех, когда такой траур?! Неделю не работаем, две. Потом разрешили показывать только спортивные номера, без клоунады. Через месяц на меня приходит разнарядка: ехать в Бакинский цирк. Приезжаю, директор говорит: «Олег, сиди и не чирикай». Сажу еще месяц. Наконец траур закончился, директор вызывает: «Давай сегодня рискнем, но только, прошу тебя, тихонечко, без нажима. И без юмора...» Когда я вышел в манеж, такая была овация, которой я давно не слышал, по которой так скучал. Хотя я действительно старался «не нажимать».

Подлинная слава пришла к Попову во второй половине 50-х годов, и сначала это произошло за границей. «Железный занавес» приподнялся, и Московский цирк съездил на гастроли в Англию, Францию, Бельгию. Потом Олег становится лауреатом 1-го Международного фестиваля циркового искусства в Варшаве, смотра искусств в рамках Всемирного фестиваля молодежи и студентов, премии Королевского цирка Бельгии «Оскар» в Брюсселе. В 1960-е он — уже мировая звезда, символ советского искусства.

Тогда-то и рождается его знаменитый номер «Лучик». На затемненном манеже артист садился ужинать в световом круге. Но круг этот то и дело отходил в разные стороны, клоун, перемещался за ним, поддвигал к своей скатерке. А уходя с манежа, «собирал» световой круг ладонями в авоську, которая начинала светиться. И

клоун уносил луч с собой. Этот трогательный номер стал классикой жанра.

В 70-е Попов выступил как режиссер, поставив несколько программ в Новом цирке на Ленинских горах. На фестивале цирков в Монте-Карло в 1981 году получил премию «Золотой клоун». И, казалось бы, мог составить великолепный дуэт с Юрием Никулиным. Но слава пришла к нему намного раньше как к одиночке, он стал брендом советского цирка за рубежом, а Никулин работал в паре с Шуйдиным, долгое время воспринимался лишь как коверный клоун. Этакий балбес и хулиган чисто для «внутреннего пользования». Прославился он позже, в кино, создав помимо массы комических образов серьезные драматические роли в фильмах «Когда деревья были большими», «Ко мне, Мухтар!», «Двадцать дней без войны», «Они сражались за Родину», «Чучело»....

Попов же снимался только в режю, играя, по сути, самого себя, главным для него был манеж. И он не скрывал своей позиции: «Никулин популярность получил только благодаря кино. Я не говорю, что это плохо. Все, что он сделал в кинематографе, — прекрасно. Но он не такой цирковой, как я. На проволоке не ходил, не жонглировал, на руках не стоял, не прыгал... Только ля-ля-ля и анекдоты».

Знаменитый иллюзионист Игорь Кио говорил: «Про Юрия Никулина не скажешь, пожалуй, что он фанат — в нем всегда была очаровывающая (как и очень многое в этом всенарод-

Два великих артиста — конкурента

Со второй женой в Германии

но любимом артисте) ленца. А у Олега Попова нет ничего, кроме цирка. Он не уходит из цирка». А это – слова Никулина: «Олег Попов – явление в цирке Запада. Там в клоунаде застой: пожилые клоуны в дедовских костюмах, а он показал нового клоуна».

На материальную сторону жизни им обоим было бы грех жаловаться. Правда, поговаривали, что они без разрешения заимствовали друг у друга репризы, но это вообще была довольно распространенная практика. Когда в 1981 году Никулин стал главным режиссером, а затем – директором Цирка на Цветном бульваре, выяснилось, что туда же метил и Попов. Собирался он в 1990-м отметить в этом цирке 60-летие, но юбилей ему справили в Новом цирке, и он во всем винил Никулина:

«Меня же буквально выжили из цирка на Цветном. Почему? Мое мнение: Никулин очень сильно меня ревновал. Я имел большой успех на Западе, а он нет. Другого объяснения, почему он не подпускал меня к московскому цирку на пушечный выстрел, я не нахожу. Хотел на Цветном бульваре отметить 60-летний юбилей – Никулин не разрешил, сославшись на обвалившийся потолок. Но потолок-то обвалился в касе, при чем здесь манеж? Ну ладно, уехал я».

Уехал он в 1991 году в Германию, утверждая, что сделал это вынужденно. Когда Попов был на гастролях, денежная

реформа лишила его всех накоплений, а в Германии его труппу бросил импресарио, оставив без денег. Вскоре умерла жена, и он не смог приехать из Гамбурга на ее похороны: «Я от Родины не отказывался – это Родина от меня отказывается. Я всю жизнь зарабатывал деньги, которые держал на старость, а все мои сбережения в 90-е государство в одночасье р-р-раз – и ликвидировало. Это как понимать? Было бы все это во время войны или беды какой, я бы сам стране последнее отдал. Но в мирное время обобрать как липку и говорить: «Чего в Москву не приезжаете?» А я не хочу быть на Родине нищим! Я столько лет служил Родине, а она толкает меня идти в подземный тоннель, положить на пол кепку и подкидывать шарики – авось подадут».

В Германии он работал под именем Веселого Ганса в цирке-шапито коммуны Эглоффштайн. Был очень популярен, обрел вторую любовь – поклонница Габи Леман, моложе его на 32 года, приехала на его выступление, чтобы познакомиться. Через пару лет они поженились и стали вместе выступать в цирке. Потом к ним присоединилась дочь Ольга. Он всем разъяснял: «Гражданство я менять не собираюсь. Мы здесь работаем по контракту. Когда-то я мечтал дожить до 80 и продолжать выходить на манеж. Эта мечта сбылась. Другая моя мечта – жить в лесу – тоже осуществилась. Я счастлив!

Эглоффштайн – деревушка под Нюрнбергом на 300 человек, чуть постарше Москвы. Кругом леса – потрясающе! В доме животные – пони, голуби, собачки, кролики... Есть своя маленькая цирковая арена, где я репетирую новые номера. Почти каждый месяц у нас с женой гастролы!»

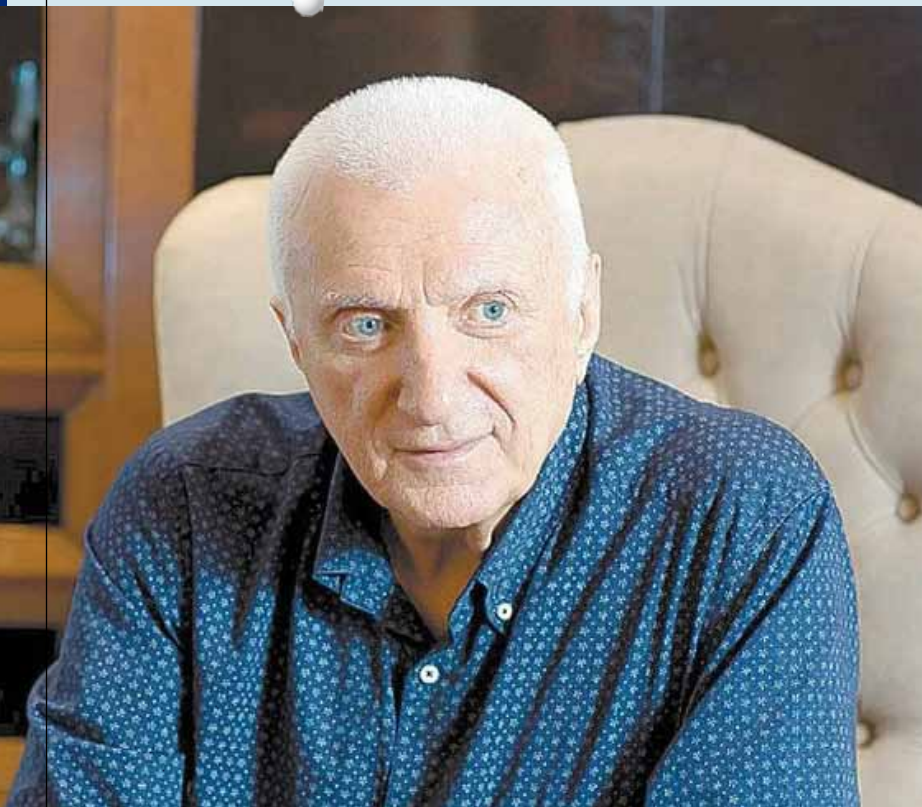
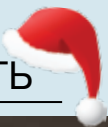
Его лично поздравила по телефону с 85-летием канцлер Германии Ангела Меркель. А за пять лет до этого о нем вспомнили и на родине – президент России Дмитрий Медведев наградил великого артиста ничем иным, как... Почетной грамотой. В 2015-м он, наконец, приехал на гастролы в Россию, в Сочи. Публика долго аплодировала ему.

На следующий год он приехал в Ростов. В выходной день пошел на рынок и был поражен: его узнали, приветствовали, несли ему рыбу, вареных ра-

ков, домашнее вино, цветы. Артист растрогался: «Я не работал в Ростове сорок лет. Тем, кто меня видел в детстве, сегодня уже за пятьдесят. Но они меня знают и помнят». Он пришел в гостиницу совершенно счастливым. После ужина сел к телевизору, задремал и не проснулся. Ему было 86 лет.

В Книгу рекордов Гиннеса он внесен «За долговечность нахождения на вершине шоу-бизнеса». Для сравнения: Майкл Джексон находился на вершине шоу-бизнеса 25 лет. Уитни Хьюстон – 20. А дебютант Тбилисского цирка Олег Попов – 66 лет.

Александр Потемкин

«А ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО...»

■ **Нина ШАДУРИ**

К нашему удивлению, это оказалось неожиданно легко – Александр Потемкин, известный бизнесмен, ученый, писатель, публицист, доктор экономических наук, на встречу согласился сразу. Беседа с одним, наверное, из самых занятых людей в мире продлилась аж два часа.

Как выяснилось, нашему герою не очень интересно говорить о своих художественных произведениях (Потемкин – автор двух десятков книг, переведенных на многие языки мира) или о недавней премьере в театре Грибоедова – спектакле «Букмекер-экспресс» по его пьесе «Игрок». Но ему очень, очень важно высказаться об актуальных, жизненно значимых проблемах цивилизации. Он, в противовес знаменитому пушкинскому тезису, не ленив и любопытен. К тому же его переполняют идеи и знания, и он готов делиться ими здесь и сейчас. Неслучайно чаще всего Потемкин произносит слова: «А вы знаете, что...» И далее следует очередная обескураживающая

информация. Ему есть дело до всех планетарных вопросов: от «беспощадного потребления, разрушающего экологию» до «перенаселения планеты с несколькими миллиардами «лишних» людей», от «информационной бредовой пандемии» до «глобального рынка искусственного интеллекта». Он написал десятки научно-публицистических статей, и наконец – целый «Цивилизационный Манифест для интеллектуалов планеты» в 400 страниц, в котором (уже не в первый раз!) предостерегает всех, кто способен мыслить, о том, что «современная цивилизация потребления основательно взяла курс на массовое вымирание и самоуничтожение» и что «новой цивилизации необходимо переформатирование ното *consumens* в ното *cosmicus*, а для спасения планеты – создание цифровой экологической экономики».

Вот обо всем этом мы и говорили. Читайте и, как говорится, думайте сами, решайте сами.

– Говорят, время – деньги. Это так?

– Деньги – это занятость человека, работа его разума. Сегодня, чтобы заработать деньги, надо применить объем знаний, интеллект. Раньше можно было собрать мандарины, пойти на рынок, продать – вот и деньги. Теперь этого мало. Надо понимать, что такое инфраструктура, знать где какие ресурсы расположены, как они истощаются. Сейчас время – не деньги. А потребительство – деньги. Чем больше человек в своем сознании потребитель, тем больше его тянет к деньгам. Разумеется, деньги нужны. Я, например, пишу на русском и немецком языках. Для того, чтобы перевести написанное на японский, китайский, французский, испанский и другие языки, нужны деньги. Для того, чтобы разместить рекламу в крупнейших газетах США, Великобритании, Японии и так далее, опять-таки нужны деньги.

– Понимаю. Но деньги стали идеологией. Они – критерий успеха, мотивация, мотив...

– Да, но только в том случае, если у человека потребительское сознание. Тогда он не может жить без денег, мучается, переживает. Он не понимает, что такое человек, кем и для чего он создан. Человека нужно переформатировать, поскольку мир стоит на краю гибели. Ресурсы планеты истощены. Пройдет 30-35 лет, и ничего не будет. Конец мира. Мой «Цивилизационный манифест», над которым я работал несколько лет, обращен к интеллектуалам. Согласно научным данным, интеллектуалы составляют 1-2 процента населения – это 120 миллионов человек. Но они разного уровня – людей с высшим проявлением сознания очень мало. Поэтому в моем призыве из 120 миллионов будет участвовать максимум 10 миллионов человек. Я пишу о том, что у нас, интеллектуалов, есть шанс спасти планету. В частности, рекомендую новую технологию управления: президент как физическое лицо не нужен. Страной должен управлять интеллектуальный продукт искусственного интеллекта. Не нужно юристов – потому что это, в основном, про-

дажный бизнес. Необходимы не бумажные законы, а законы интеллекта, который будет что-то разрешать или не разрешать юристу, судье и так далее.

– *Надо же. Вы, видимо, идете на шаг впереди всех...*

– Уверяю, я не одинок – уже появилось немало людей, которые всерьез думают о будущем. У меня есть, например, точные данные о скором исчезновении запасов питьевой воды в мире. Поэтому я давно предлагаю использовать для канализации не пресную, а морскую или техническую воду. Когда министр экономики Германии предложил согражданам принимать душ в течение пяти минут, на него напали все! Особенно женщины. Что тут скажешь? Я вырос в детдоме. У нас банный день был один раз в неделю. О чем думают те, кто принимает душ каждый день? Это расхитители!

– *А как мыть посуду?*

– Я пишу об этом 10 лет! Предлагаю ресторанам: для экономии воды и как экологическую альтернативу надо делать съедобную посуду. Пообедал – и съел тарелку, ложку, вилку, изготовленные, например, из теста. И стакан должен быть съедобным. Это старая мысль, впервые высказанная еще в XVI веке. Но мир не хочет этого слышать, он глуп. Какое общество может быть с массами? Бессмысленно!

– *Что же надо делать с массами?*

– Ежегодно население увеличивается на 80-100 миллионов человек. А на Земле должно проживать два с половиной миллиарда людей, не больше. И когда нам показывают жителя Зимбабве, у которого 151 ребенок... Как на это реагировать? С восторгом или ужасом? Мой призыв: начиная с 2025 года, в каждой семье должен быть только один ребенок.

– *Но новых-то людей надо как-то создавать, воспитывать. Нельзя же всех уничтожить и создать нового гомункулуса.*

– Не уничтожить, а, повторяю, переформатировать. Для этого необходима цифровая экономика. С чего начать? Цитирую отрывок из моего «Цивилизационного манифеста»:

I. Все правительства мира без исключения к 2025 году должны признать нависшую смертельную угрозу планете Земля – человечеству и всему живому миру.

II. С 2027 года во всех странах мира строжайшим законодательством запретить иметь более одного ребенка. Политика одного ребенка должна включать меры контроля, поощрения и наказания.

III. К 2025 году по всему миру начать проводить научные антирелигиозные программы. Религия унижает сознание человека, способствует неконтролируемому росту народонаселения планеты! Разум не имеет перспективы развиваться интеллектуально под давлением религиозных догм.

IV. Во всех странах мира ужесточить уголовное наказание, прежде всего за экологические преступления и нарушения новых цивилизационных стандартов.

V. К 2024-2025 годам необходимо приступить к обсуждению на мировых площадках концепции развития и внедрения цифровой экономики во всех странах.

В рамках реализации проекта ЦЭ для каждого Homo Consъmens будет создан Личный паспорт потребления путем создания цифрового профиля покупателя. Это позволит каждому законодательно приобретать определенное количество товаров, основанное на экологических нормах. Например, на 1 персону в год не больше: 3-х пар летней и спортивной обуви, 2-х пар зимней обуви, 3-х платьев или рубашек, 3-х пар брюк для обоих полов и 2-х юбок для женщин, 1-й куртки, 1-го зимнего пальто, 2-х свитеров.

Гражданин сможет приобрести определенное количество мебели на 7 лет, один автомобиль сроком на 25 лет (при этом максимальная мощность автотранспортного средства не должна превышать 100 лошадиных сил). Если по его вине произойдет авария, в результате которой автомобиль не подлежит восстановлению, то право приобретения нового транспортного средства теряется.

Стандарты профиля будут предполагать и определенные нормы отпуска продуктов и товаров. Человек в день сможет купить не более 400 г хлеба, 300 г мяса или рыбы, 30 г сливочного масла, 500 г фруктов и овощей, не более 5 литров «чистого алкоголя» в год на одну персону, полный запрет на производство табачных изделий и всех видов электронных сигарет. Цифровой профиль будет учитывать общее количество потребления продуктов человеком, включая рестораны и кафе. Если уже было куплено 2 кг мяса на неделю, то в ресторане вам заменят порцию стейка блюдом из рыбы, а если вы приобрели 2 кг и мяса, и рыбы, то при выборе такой еды в ресторане вам обязаны отказать и предложить лишь салат.

Организация цифрового профиля ограничит продажу и сократит производство ювелирных изделий широкого ассортимента, приведет к закрытию модельных агентств индустрии моды, сократит производство текстильной продукции на 80%. Произойдет сокращение на 90% кондитерских фабрик, автомастерских, эстрадных концертных залов, производств телевизоров, всех видов рекламы. При этом будет запрещено производство и использование пластиковой тары для всех пищевых продуктов – одного из самых губительных видов изделий для биологических основ человеческого существа.

– *А как вы воспитывали своих детей?*

– Чем старше я был, становясь отцом, тем умнее получались дети. Как воспитывал? Первые три класса – немецкий язык, следующие три – английский, затем – язык по выбору (все мои дети выбрали испанский), последние три класса – язык той страны, где они будут жить. Моя 18-летняя дочь, например, говорит на пяти языках. Она, кстати, худенькая. Ест мало, по моим рекомендациям.

– *Кем она хочет быть?*

– Юристом, облагораживающим планету.

– *Так вы же сказали, что юристы не нужны!*

– Нужны. Но какие? Юристы ис-

кусственного интеллекта.

– *Давайте поговорим и о спектакле. Ваша пьеса называется «Игрок». С подзаголовком – «фантазмагория не по Достоевскому».*

– В свое время я прочел «Игрока» Достоевского. Он мне не понравился. И я решил показать, каким должен быть игрок. А в повести «Стол», например, я спорю с Гоголем: его чиновник и мой чиновник. Что касается спектакля... У меня не было никаких личных контактов с театром.

– *А чья же была идея предложить Грибоедовскому постановку?*

– Мой пресс-секретарь Майя Эристави предложила Авто Варсимашвили несколько моих произведений, он выбрал «Игрока». Я не был ни на одной репетиции.

Мне все равно. Мой продукт – это повесть «Игрок», а спектакль – уже не мой продукт. Хотя я был на премьере, честно хлопал. Подписал бумагу, что мне не нужен гонорар за показы спектаклей. Меня не интересуют продажи, гонорары, тиражи, экранизации или инсценировки моих книг. Просят разрешения перевести – я соглашаюсь без всяких условий. Мне это не интересно. Я не для бизнеса пишу.

– Да, видно, что вы не стараетесь потрафить читателю, облегчить ему чтение. Ваши книги – не коммерческий проект, не продукт для продажи.

– А вы знаете, что я попал в список «16 шедевров русской литературы»? МГУ издал такую книгу. Туда вошли две статьи – одна о моих романах, вторая – конкретная о романе «Русский пациент».

– Впечатляет. А как вы начали заниматься литературой?

– Ни в детстве, ни в отрочестве я никогда ничего не писал.

– Даже стихов?

– Никогда. Впервые начал что-то писать, когда готовился к вступительным экзаменам в Ленинградский университет – писал сочинения. Поступил. Стал писать всерьез. Первый мой рассказ был опубликован в журнале «Аврора».

– На ваши произведения написано много рецензий. Круг рецензентов – интернационален, очень

солиден. С особым вниманием я прочла написанное теми, кого знала и уважала – Львом Аннинским, Валентином Никитиным, Ириной Багратион-Мухранели. Примечательную мысль высказал Павел Басинский: в ваших текстах важно не «как», а «что». Вы сперва обдумываете идею, а уже потом – конструкцию будущего произведения?

– Вообще об этом не думаю! Пришла идея, хочу об этом написать. Конструкция у меня в голове. Я не обсуждаю, как архитекторы, сантиметры, углы и наклоны будущего здания. Пишу как идет. Поток сознания. Потом отдаю на корректуру. И сдаю в печать. Сам оплачиваю свои книги и ни о чем не прошу издательства.

– И все-таки, ваши книги, условно говоря, это не Джойс, не хаос человеческого мышления с ассоциациями и навязчивыми идеями. Валентин Никитин подметил, что, хотя поток сознания – ваш излюбленный литературный прием, на самом деле «кажущаяся спонтанность Потемкина обманчива, он внутренне очень последователен, мотивирован и запрограммирован».

– «Соло Моно» я написал за три месяца. Разве там может быть какая-то продуманная конструкция? Она выстраивается сама по себе и внутри себя.

– Наука для вас – абсолютный приоритет. Вы пишете: «Какое надо иметь жалкое сознание, чтобы поддаться религиозному гипнозу». А как же быть с верой?

– В моем «Манифесте» я пишу о том, что все самые большие беды – от религии. Особенно, от ислама и христианства.

– Вера и религия – разные вещи...

– Считается, что бог – какое-то сверхсущество. Но никакого существа нет. Бог – это вселенский квантовый разум. А управляет нами микробиом. Какие там боги! Это все обман, вранье и байки.

– И вся наша история летит в тарарары.

– Вообще не перестаю удивляться, как плохо грузины знают свою историю. Я, например, уже не раз писал, что называть этнос апсуа абхазами – неверно. Абхазы – это грузины, западные грузины. Абхазети – древнее грузинское государство, четвертое государство Европы своего времени. Абхазец – это не национальная

принадлежность, а топоним – такой же, как, например, тбилисец. Слово «абха» по-мегрельски и по-лазски означает «заплечье» и «край». От этого слова и произошло название «Абхазети». Это грузинское царство было создано в начале VIII века. Столица – Кутаиси. Государственный язык и письменность – грузинские, религия – христианство, церковные службы велись на грузинском языке. Вся Западная Грузия – Мегрелия, Гурия, Сванетия, Имеретия, Эгриси, Лазика – входили в состав Абхазети. Так что современная «независимая» Абхазия не имеет ни исторического, ни юридического права носить чужое историческое название. А вы знаете, что такое Тифлис?

– От старогрузинского «Тфилиси». Я читала, что греки вставляли в это слово букву «и» для удобства произношения.

– Есть и другое мнение. Это изначально греческое слово, означающее «слепой» – тифлос. Моя версия такова. Во время войны между Александром Македонским и Дарием военных в плен не брали. Победенным выкалывали глаза и отпускали. Скорее всего, маленьких «тфилисов» – поселений, где жили ослепленные люди, – были десятки. Одна деревенька выжила и со временем стала городом Тифлис. А вы знаете, когда Тифлис стал называться Тбилиси?

– В 1936-м.

– Правильно. Берия пришел к Сталину и сказал: «У столицы Грузии негрузинское название». – «Я думал об этом», – ответил Сталин. Берия предложил несколько вариантов, одним из них был Тбилиси. Его и выбрал Сталин. Я был знаком с внучатыми племянниками Берия. Они мне об этом рассказали. А вы знаете, что отцом Сталина был Пржевальский? – Ходила такая байка.

– Сравните фото Пржевальского и Сталина – одно лицо.

– Ну, мало ли на кого он был похож!

– Немцы в это верят. А у меня есть и свои доказательства. Много лет назад я, спецкор «Комсомольской правды», делал репортаж из Кремля. Не помню, как он назывался. «Красные звезды», что ли. Какой-то комендант водит нас по Кремлю, показывает, рассказывает и вдруг говорит: «А здесь

А. Шилов. Писатель и бизнесмен Александр Потемкин. 2001

Премьера спектакля «Букмекер-экспресс» в Грибоедовском

жила семья Пржевальских». — «При чем тут Пржевальский? — спрашиваю. — Какое отношение он имел к революционному движению?» — «Пойдемте дальше, пойдемте!» — спохватился комендант и ничего не ответил. С чего это Пржевальским было жить в Кремле? А ведь Пржевальский часто приезжал в Гори — есть документы. И потом, подумайте, разве сын сапожника мог учиться в духовной семинарии? Это было дорого. А почему Сталин не общался с матерью? Потому что не мог простить, что она не сказала ему правду.

— Но он вообще родственников не очень жаловал...

— Кого? У Сталина их не было.

— Пострадали родственники первой и второй жены.

— Это не родственники.

— К старшему сыну относился очень жестко...

— Дети бывают разные. Я, например, отказался от детей, которые не росли в моей семье.

— Надеюсь, их не 151?

— Нет, гораздо меньше. В юности я еще не знал, что опасно иметь много детей.

— Вы несколько раз давали обществу точные советы. Например, о том, что России не надо стучаться в двери Европы, что надо создавать организацию, альтернативную Большой семерке. Все сбы-

вается.

— Это так. В свое время я написал, как устроить движение через Сурамский перевал, и это было сделано. Я начал писать про микробиом, и ирландцы придумали Всемирный день микробиома — 27 июня. Не знаю, моим ли советам следовали, но это было сделано.

— Сегодня мы проживаем трагические времена. Каков ваш прогноз — что нас ждет?

— В 2024 году начнутся новые пандемии — будет вспышка менингита. В 2025-м — новые войны. Войны будут до тех пор, пока население планеты не составит два с половиной миллиарда. Вот так.

— Печально. Мы в начале ада?

— Это не ад, а спасение планеты. Безмозглый человек — враг планеты, потому что он потребитель.

— Я в растерянности. А что же делать с этими безмозглыми людьми?

— Нам ничего не нужно делать. Их уничтожит вселенский квантовый разум.

— Это ужасно.

— Послушайте меня внимательно: либо уничтожается вся планета, либо люди, которые ей угрожают.

— Нет ли в этом элементов фашизма?

— Вы что, какого фашизма?!

— Селекция — нужные люди, ненужные люди...

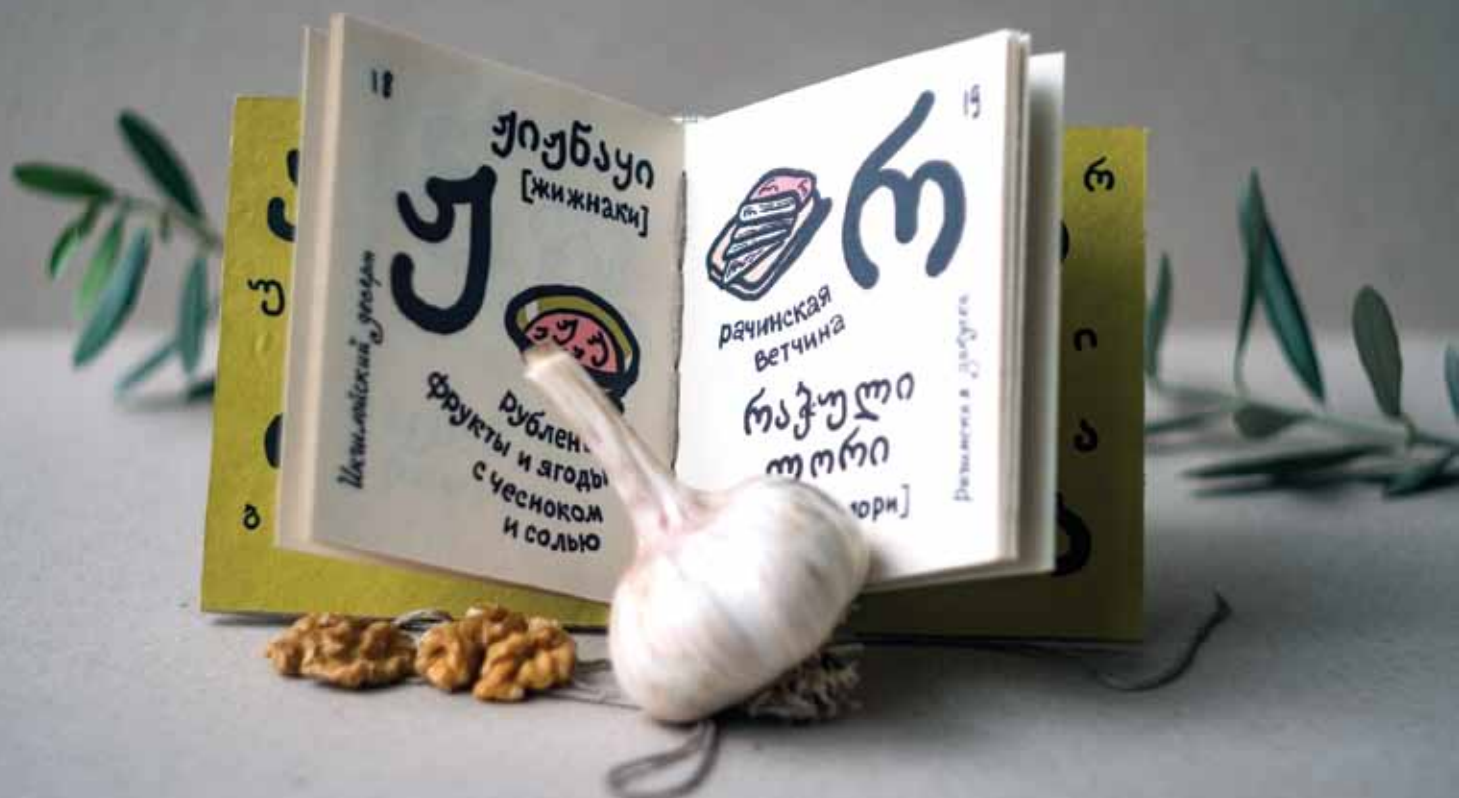
— Не я уничтожаю, и не вы. А наш создатель — вселенский квантовый разум. Происходит естественный отбор.

— Но все-таки — кто руководит процессами на земле? Разве в том, что происходит, не виден конкретный коварный расчет?

— Нет никакого расчета. Вселенский квантовый разум давит на того или иного человека, тому приходит определенная идея, и он принимает определенное решение. Например, начать войну. Или написать книгу — как я. Все приходит сверху, через идеи. Человек становится рабом идеи. Когда меня спрашивают, есть ли у меня соавтор, я отвечаю — есть, это микробиом. Все свои, как вы говорите, предсказания я делаю только на основе вселенского квантового разума, своего микробиома и своих знаний.

— Что у вас в ближайших планах, если не секрет?

— Секрета нет. Я собираюсь опубликовать на многих языках мира «Цивилизационный манифест». Прочитайте эту книгу — будет, о чем задуматься.

«NIAVI» – ЛЕГКИЙ ВЕТЕРОК...

■ Анна БЕРДИЧЕВСКАЯ

С художницей Машей Овчинниковой меня познакомил Резо Габриадзе на одних из первых гастролей его театра в Москве, было это, что называется, в прошлом веке. И после, в этом веке, мы с нею виделись почти ежегодно – не только в Москве, но и в Питере, и в Тбилиси – на книжных ярмарках, на премьерах театра Резо, на его выставках. Они с Машей всегда о чем-то тихо, доверительно беседовали, видно было, что они – настоящие друзья. Вскоре и я с нею подружилась. И однажды побывала у нее в небольшой мастерской в Москве, на Чистых прудах, где Маша и ее друзья затеяли удивительное дело: издание абсолютно самодельных – ручной работы – маленьких книг. Своему крохотному некоммерческому проекту они дали название «Мастерская на Чистых». Правда, хорошо? А первой из книжек «Мастерской на Чистых» стало издание восхитительно смешного и грустного рассказа Резо Габриадзе «Топиарное искусство». Это пока что главный успех Маши и ее мастерской: книжка стала ла-

уреатом Международной премии имени Бабеля (Одесса, 2018 г.) И тираж у нее уже «гигантский!», наверное, перевалил за семь десятков экземпляров... И мне один достался, вот. Но как же радовался этой книге сам автор – Резо Габриадзе!..

Процесс издания таких книжек относит нас во времена едва ли не раннего средневековья. Даже картон обложки здесь отливают вручную, нередко и бумагу...

Почему этим так увлечены серьезные, профессиональные люди (Маша, кроме художествен-

Маша Овчинникова за работой

ного училища, закончила еще Московский полиграфический)? Зачем столько труда и любви на одну-две-три книжечки?

А затем, что уже все осталось в мире живого, все ручное – буквально проваливается – в «цифру», в холодную виртуальность, в «облака» из которых дождь не идет... Надоело! – ведь мы – живые, осязающие реальность божьи твари. И это, оказывается, важно.

И вот одновременно с «цифровизацией» начинается происходить обратнo-противоположный процесс... И он совсем не безнадежен! Замечаете?..

Маленький театр марионеток Резо Габриадзе в Старом Тбилиси – был первым из крупных и невероятнo востребованных шагов современного искусства в этом направлении. Конечно не только «рукотворность» принес-

цвет, на запах, на ошупь. Потому что маленькие дети – настоящие люди. Но и сейчас взрослые тексты, в которых есть человеческое и Божье – несомненно оказываются достойны, как в старину, – труда полиграфистов и художников. Да, тиражи небольшие, или, как у Маши – вовсе крохотные. Но ими начинают всерьез интересоваться коллекционеры, но все чаще ностальгия по человечности делает любимый текст в рукотворно маленькой книге – драгоценным подарком – напоминанием, легким дуновением человеческой, доброй и древней культуры... И предметом Искусства!

Кстати о «легких дуновениях». Сейчас у Маши Овчинниковой появилась мастерская в Тбилиси, на улице Ниаби, что убегает в гору за Троицким кафедральным собором... А Маша, по совету Лео Габриадзе, назвала мастерскую созвучным грузинским словом – NIAVI, что означает «легкий ветерок». Скоро появится и сайт. Не вижу противоречия. Пусть работает на культуру – людское, на человеческое – и облачно-цифровая современность. Просто она должна знать свое место!

В совсем недавно родившейся мастерской «NIAVI» (Легкий ветерок) только что родилась книжная серия, вот ее «лейбл»: ОДИН ТЕКСТ. То есть, одна книжка в 8-16 страничек содержит один короткий авторский текст – стихотворение или мысль в прозе. С иллюстрациями. И с портретом автора текста... Это будет первая серия мастерской. Но не единственная. Замыслов у Маши Овчинниковой

– множество!

Могу похвастаться: мне к моему дню рождения «NIAVI» уже издала книгу серии «ОДИН ТЕКСТ». Книжечка называется «Снегопад в Тбилиси», в ней одно стихотворение, посвященное памяти литературоведа Гии Маргвелашвили. Большая часть иллюстраций, (кроме портретов) – Резо Габриадзе... Тираж пока что – 3 экз.

К нашей радости, в ближайшем будущем книги Резо Габриадзе будут продаваться в кассе Театра марионеток.

Овчинникова Мария

Родилась в 1959 г. в Москве. Живописец, автор инсталляций и объектов. Окончила Московское областное художественное училище памяти 1905 года (1980), в 1988 – Московский полиграфический институт. Участница выставок в России, Европе и Южной Корее. Работы находятся в собраниях Германии, Италии, Франции.

ла ему планетарную известность, но и уникальный талант, фантазия, вкус художника, драматурга, мыслителя... Резо – особый случай, он – гений. Однако, процесс «Вперед – в прошлое!» или «Назад – в человечность» начат, запущен. Очевидно же, только посмотрите – театров все больше, они полны зрителей, а кинозалы с их пластиковым поп-кормом – все чаще пустеют. Потому что в живых театрах – живая жизнь. С книгами все происходит не столь очевидно и стремительно, но – происходит. Пока что «настоящими книжками» больше всех интересуются дети. И они – правы, они хотят чувствовать книгу – на

Ирена Оганджанова на фоне своей картины «Мои предки ждут первенца»

СЧАСТЬЕ ИЗ ЛОСКУТКОВ

■ Анаида ГАЛУСТЯН

Фото Юрия МЕЧИТОВА

...Здесь все талантливо. А Старый город — немного грустный, немного веселый, щедрый, добрый, беспокойный, шумный, тесный, перепачканный, чуть наивный, чистый и пронзительный, как первая любовь. И неудивительно, что в этом уголке города родилась, выросла, впитала соль и специю тбилисской жизни и сформировалась талантливая художница.

Ирена Оганджанова окончила

Институт искусств по специальности «живописец и художник-сценограф», на четвертом курсе начала сотрудничать с театральной школой-студией «Берикеби», затем с режиссером Гоги Тодадзе, оформила больше 20 спектаклей в различных театрах, в том числе, в Грибоедовском, Свободном, имени Ахметели. Она — член Союза художников Грузии, участница нескольких групповых выставок, автор таких интересных проек-

тов, как «Армянские художники Грузии от Акопа Овнатяна до Гаянэ Хачатурян. Фрагменты великой истории», «Тифлис-Тбилиси — новый Вавилон», «Маргиналия. Художники-самоучки», «Александр Бажбеук-Меликов». Ее живописные и скульптурные работы находятся в частных коллекциях и в Грузии, и за рубежом. А теперь в Тбилиси прошла ее персональная выставка.

Вы приходите к ней домой, а попадаете на улицы грузинской столицы со всем их колоритом, голосами, звуками, персонажами. Может, потому, что город живет в ее сердце. Все, на кого упадет взгляд Ирены, включая кошек-бомжиков, «переезжают» в ее дом, находят приют, продолжают жить в картинах или превращаются в кукол. Она вдохнула в них жизнь, поэтому с ними начинаешь общаться, как только переступаешь порог дома. А они, в свою очередь, с радостью встречают таких гостей. Ведь все в жизни — и люди, и куклы, и звери, и улицы — это наше отражение. Мир будет таким, каким его видит твое сердце. Я сразу вижу в Цветочнице свою бабушку, мне передается ее настроение, сожаление о быстротечности жизни, превратившейся в воспоминания. Но в ней — и бабушка Ирены, которая жила в этом доме до старости и ни в чем не отказывала любимой внучке. Ее образ присутствует и в других работах Ирены, потому что живет в ее сердце. И в доме. Бабушки — ангелы-хранители семьи. И мамы, конечно. Маму Ирены я называю «солнышко Тифлиса», она такая и есть — светлая и любящая, готовая обогреть любого, кто вошел в дом.

В каждом дворе Старого города живет обязательный набор человеческих характеров, и все они — здесь, на полках: и свой сумасшедший, и горемычный пьяница, бывший художник, как наш Женья, или просто выпивоха без творческих порывов, и сплетницы, как минимум две, и музыкант, и студент, и хитрые торговки золотом или чем угодно с оценивающим взглядом, и скандальная, но любящая пара, и просто ничем не примечательные семьи, живущие в рамках нормальности, и, конечно, пред-

ставительница самой древней профессии, над которой и подшучивают, и жалеют, и любят, и которая, кажется, живет самой загадочной жизнью. Девочка-лето – счастливая и легкомысленная, доверчиво открытая жизни, смотрящая на мир широко распахнутыми глазами. Это мы, это наше беззаботное детство, тепло родителей, радость каникул, сладкие мечты, душистые полевые цветы, летние дожди и яркие радуги.

«Многие уехали из Тбилиси и продолжают куда-то уезжать, но мне кажется, я должна прожить здесь всю жизнь. Это мой город, я чувствую его, мне здесь хорошо», – сказала однажды Ирена. Поэтому вы слышите стук нард и разговоры добрых соседей, собравшихся за игрой в старом дворике под корольком, посаженном кем-то из родных, и этих кукол – игроков в нарды, и сами нарды – вплоть до игровых костей, не описать словами...

Над новыми картинами Ирена работала три года, и эти работы в совершенно новом для нее стиле, с персонажами из другой эпохи – прошлого или даже позапрошлого века. «Выпью с тобой кофе, – говорит она мне, – немного отдохну и побегу за рамками, потом упаковка, завтра выставка – и будь что будет». Вы удивитесь: как такая тоненькая, невестомая, изящная художница создала образы сочных тифлиских толстушек, и все эти толстушки невероятно женственны?

– Почему, когда все несутся в Европу, ты возвращаешься в старый Тбилиси?

– Я делала эту тему еще до того, как начала рисовать уличных персонажей. Писала акварелью, сочетала разные техники и – была собой недовольна. Мне казалось, что я еще не на том уровне, чтобы создать что-то свое, оригинальное. Два года не рисовала вообще, как-то не складывалось. А во время пандемии, когда воцарились тишина и покой, и появилось достаточно много времени, чтобы посвятить его самой себе, я начала рисовать. Вспомнила, что была когда-то тифлисская акварельная серия, и решила развить эту тему. Сделала несколько работ, сфотографировала мобильным телефоном и выложила на своей странице в фейсбуке. И

вдруг – огромное количество откликов! Это было удивительно, я не ожидала, что картины вызовут такой интерес. Скажу одно – я рисовала с большой любовью.

– Вот что отозвалось! Люди всегда чувствуют искренность.

– Меня это очень порадовало. Затем я услышала лестные отзывы профессионалов, которых уважаю, и решила продолжать. Сюжеты стали приходить из памяти. По сути, все это – когда-то пережитое, увиденное, услышанное. Например, картина, где девочка пяти лет примеряет красивые мамины туфли на каблучках. На ней еще и мамино жемчужное ожерелье.

– Мы все через это прошли! Какое сладкое желание – опередить время, выскочить из детства, коснуться чего-то запретного...

– Да, у всех девочек так было. Я взяла и нарисовала воспоминание. Или вот – сидит молодая женщина, опустив ноги в тазик с водой – с солью или лавандой, отдыхает. Кто из нас этого не делал? Все. А я рисую. Кто из нас в жаркий день не ел арбуз в кругу семьи? Все. А я это изображаю. Ничего сложного, замысловатого, экстраординарного – я рисую абсолютный быт и хочу показать,

что в этом бытовом измерении есть счастье. Человеческое счастье базируется на простом, часто не замечаемом или воспринимаемом, как должное: когда ты сам и все вокруг живы-здоровы, когда есть к кому пойти или кто-то стучится в твою дверь. Светит солнышко, кошка рядом мурлычет, у тебя на столе лежит что-то вкусненькое, подружка пьет с тобой кофе, вы делитесь наболевшим – это моменты, которые делают человека счастливым. Нельзя их игнорировать. Если у тебя нет этого бытового базиса, комфорта, то и другое тебе не даст счастья. Сначала должно быть комфортно на этом уровне. Дальше могут быть невероятные поездки и еще что-нибудь материальное или духовное – каждый строит свою пирамиду жизни. А я рисую основу пирамиды. Даже если у меня самой такого не было, я могу представить, что должно делать человека счастливым. Например, я могу представить ощущения женщины, которая ждет долгожданного ребенка. И рисую это. Рисую, как мама кормит своего малыша ложечкой, и чувствую все, что делает женщину женщиной.

– Твои главные героини – женщи-

«Музыкальная шкатулка»

ны. Почти у всех обнажена грудь. Что означает эта неприкрытость – беззащитность, ранимость? Или подчеркивает женственность?

– Во-первых, это символ женственности. Грудь символизирует естественное вскармливание, начало и продолжение, дающее первые ростки жизни. Ведь главное, что нужно родившемуся человеку, после первого вдоха, – пища. Это сама природа, предназначение, миссия, открытость перед Вселенной. А женщина имеет связь с главной жизненной энергией, идущей от солнца, земли, воды и других невидимых источников. Плюс ко всему, обнаженная грудь – это эстетично и красиво.

– Что значит для художника побывать в Италии, соприкоснуться с шедеврами скульптуры и живописи? Это что-то меняет, чему-то учит, дает вдохновение?

– Это учебные поездки. Я вообще люблю наблюдать за профессионалами, пусть даже в другой сфере – что и как они делают. И все запоминаю. Вот прошла по улице женщина – она мне интересна как типаж и персонаж. Не обязательно, чтобы она была писаной красавицей. И я вижу, как она будет у меня выглядеть, уже пишу ее – сначала мысленно, потом реально. Не конкретно ее, а свое впечатление о ней.

– Женщина у тебя на первом пла-

не, вся красота, все настроение, главная роль в сюжете принадлежит ей. Ты думаешь, это и в жизни так? Женская энергетика – основа жизни?

– Нет, половина. У жизни две энергии – женская и мужская, на этом все строится. Две противоположные энергии, две физиологии, два ментала – но лишь при наличии этих двух может возникнуть третье. Только мужское и женское начала дают движение и продолжение.

– Но настроение идет от женщины – какая-то тайна, притягательность, атмосфера. У твоих женщин есть характер, и это чувствуется! Они разные, но все положительные. И все они счастливы!

– Абсолютно! Знаешь, я никогда не пишу, если нахожусь в плохом настроении или негативном состоянии. Никогда! Это не значит, что мне всегда радостно или я не принимаю такие тяжелые энергии, как разрушение, хаос, опустошенность – они тоже необходимы, иначе все остановится. Но я не хочу переносить их в мои картины и пытаюсь выйти из негатива с помощью того, что помогает мне прийти в состояние относительного спокойствия – в зависимости от ситуации. Например, с помощью музыки. И только тогда начинаю работать. Самое важное, чтобы у картины была хорошая энергетика. В моем ли доме она будет висеть или чужом, от нее должны исходить положительные эмоции, энергия радости и созидания. Ни один мой персонаж не должен нести негатив. Поэтому мне часто говорят, что мои работы светятся.

– Как возникают твои образы?

– Приходят в процессе работы. Приблизительно я понимаю, чего хочу, но зачастую, когда работаю, происходит перетрансформация. Конкретного образа нет, каждый – собирательный. Я с ними общаюсь, разговариваю, они – мои подружки. Вот как мы с тобой. Словно кто-то постучался в мою жизнь, и мы начинаем знакомство и общение.

– А не жалко расставаться, когда сделан последний штрих?

– И да, и нет. Ни одна картина не принесла мне полного удовлетворения, я еще не написала такую. Всегда хочется что-то до-

делать или переделать. Но, если вовремя не поставлю точку, то начну портить. Картины висят у меня на стенах, мы общаемся, даже чувствуем настроение друг друга, а когда они уходят в другие дома, к другим людям, я спокойно их отдаю. Не было случая, чтобы мои работы попали к неприятному для меня человеку. И я не переживаю. Нужно освободить место новому, и не только на стенах.

– А новый образ быстро приходит? Легко переключаться?

– Да. Могу работать над картиной, а в голове – уже новый сюжет, новые персонажи. Работая над деталями, четко вижу – куда веду, как закончу, и параллельно мысленно начинаю работать над другим. И хочу побыстрее закончить эту работу, потому что там уже кто-то зовет. Во всяком случае сейчас у меня именно такой период.

– Сегодняшний период – это молодость наших бабушек и даже прабабушек.

– Внешне – да, персонажи одежды по той моде, хотя я не слежу за исторической точностью. Но знаю детали: например, какие туфли были в моде в начале XX века. Выставка так и называется – «Сны Тбилиси или сны о Тбилиси». Здесь нет временной четкости, все как во сне – реальное соединяется с нереальным. Или, скорее, реальность соединяется с другой реальностью. И вот еще что важно – память. Бабушка мне много рассказывала о нарядах того времени, которые привозили контрабандисты. И я их рисую ...

– Счастье собирается из лоскутков! Я тоже помню рассказы из жизни моих бабушек и могу перенестись в их время, для меня оно красивее, женственнее нашего.

– Да, визуально красивее. Я не смогу рисовать девочку в джинсах. Может, это красиво, но не мое. И еще, я не скрываю, что обращаюсь к великим художникам – пью из их источников! Я беру их образы, перевожу в наш Тифлис, а в названиях моих работ делаю отсыл на первоисточник. Например, я взяла Данау Рембрандта, перенесла ее в Тифлис и назвала Донарой. У Леонардо да Винчи взяла Мону Лизу и назвала ее Лизико. Она

«Кекел-Сона»

сидит в чихтакопи — красавица на тифлисском балконе, за ней — панорама города, Мтацминда и даже фуникулер! Только поза Джоконды — положение рук, осанка... Между образами устанавливается связь, и зрители замечают это. Обращаюсь к Боттичелли, к Акопу Овнатаняну...

— К Рубенсу, судя по формам героинь...

— Я люблю эти формы, они соответствуют моему эстетическому восприятию женщины. Вот такие — пышненькие, нестандартные, несовершенные. Я убеждена: красивы все — и худенькие, и пухленькие, главное — надо быть естественными. Композиции Рубенса я еще не использовала, но когда-нибудь сделаю это. Я воспеваю нашу тифлискую красоту. Она какая-то недовоспелая, мне кажется. В нашем городе не было некрасивых женщин, не могло быть. Все несло красоту: наши ритуалы, отношения мужчины и женщины, смешение культур, традиций. И во всем — тифлисское своеобразие.

— Твои картины передали все это. И они очень чувственные — искорки летят...

— Выставка дает отсыл к старому времени, но при этом она весьма актуальна. Я вижу, как огромное количество женщин пытается вогнать свою природную красоту в рамки стандартов, которые нам навязывают, а у красоты нет рамок. Повторю: все женщины красивы. Но надо уметь себя полюбить! Например, вижу: нестандартная женщина, совсем не красавица в общепринятом смысле, но сколько в ней интересного — черты лица, волосы, взгляд... А подать себя не может. Но она — персонаж моей будущей картины, и я из нее красавицу напишу. У меня нет ни одного безупречно красивого персонажа. У всех — свои особенности, которые придают им неповторимость. Или, как говорится, шарм.

— Скажи честно, среди твоих персонажей есть любимчики?

— Любимчик — тот, кого ты в данный момент создаешь. Потом создаешь другого — и уже он твой любимчик. Хотя связь с каким-то персонажем может быть больше, глубже, интереснее. Уже после работы. Например, кекек-Сона — моя настоящая подруж-

ка. При этом она за всем следит. Я рисую кекек-Машо, а она смотрит со стены женским оценивающим взглядом и говорит: «Это что за простушка такая!»

— Как ты думаешь, эта тбилисская тема с образами-подружками может закончиться или ты нашла свое течение, свой стиль?

— У меня уже есть идеи новых картин. Продолжение последует сразу же после выставки. А пока я бегу за рамками и буду упаковывать свои картины.

Кофе допит, мы выходим на улицу Бараташвили и разбегаемся.

А вот и они — красавицы начала прошлого века и их кавалеры. Уютно расположились в галерее Hermit space на улице Меликишвили и, совершенно не кривляясь, не стесняясь и уже не волнуясь, рассказывают свои истории жизни, делятся мгновениями радости и секретами, спрятанными в самых потаенных уголках женской души. А то, что ни не рассказывают, передают старые сплетницы-соседки — разве в Тифлисе что-то утаишь? Встанешь рядом с картиной, и в их полушепоте услышишь все-все новости. Если и они чего-то не знают, то надо читать надписи под картинами — без них впечатление неполное: «Магазин ковров Саркиса», «Матильда и Такуи примеряют европейскую моду», «Жемчужная сережка для Кетуси», «Сусанна примеряет мамини туфли», «Пришел Сако, Сико спрятался», «Иде жмут ее новые красные туфли», «Любовь в ортачальских садах», «Тамуния моет ножки», «Баня», «Фильдекосовые чулочки», «Мои предки ждут первенца»...

Если закрыть глаза, то даже по названиям можно представить бирюзовую лунную ночь и влюбленных, голос дудука, поющего на семейном торжестве, льющуюся в бане шелковую серную воду... И шепот, шепот соседок, подружек, влюбленных, шуршание шелковых тканей, полет тонких ароматов, прикосновение вышивок, нежных кружев и мягких бирюзовых туфель, бесшумно ступающих по традиционным восточным коврам. И ты тоже идешь по этим коврам, путешествуешь во времени. И тебя сопровождают разные

«Донара»

взгляды одинаково крупных и темных, как спелые вишни, бархатных глаз: мудрые, игривые, печальные, таинственные, вызывающие, мечтательные, стыдливые, наивные, искушенные...

Только никакой покорности и смирения в наших тифлиских красавицах нет — они все свободны, но знают традиции и соблюдают их. Одно другому не мешает! В глазах чертики, в руках веера, и кажется, что им известны все рецепты счастья — они хранят их под своими нежными, воздушными покрывалами. Нравятся они себе! В своих невесомых чулочках и модных туфельках, в кружевах и жемчугах. И ясно осознаешь: счастье действительно внутри тебя, а не в ком-то или в чем-то.

Кто-то понимает это умом, кто-то просто чувствует, но на выставке все улыбаются, переходя от одной картины к другой, любят, удивляются, общаются, делятся впечатлениями — кипит оживление, как на большом празднике. «Знаешь, что для меня самое главное? То, что все уходит радостными», — говорит Ирена.

Надеюсь, каждый пришедший на эту выставку-праздник запомнил свет необыкновенно лучистых работ, а еще — нашел свой рецепт счастья, унес его с собой и сохранит в сердце на всю жизнь.

Тамара Гелашвили

МНОГОГРАННЫЙ ТАЛАНТ МАСТЕРА

■ Кетеван МГЕБРИШВИЛИ

Уютный итальянский двор на улице Зубалашвили, недалеко от Академии художеств Грузии. Здесь, на первом этаже, находится мастерская известной грузинской художницы, мастера по художественному войлоку и декоративной керамике Тамары Гелашвили. Когда заходишь в комнаты, сразу становится ясно, что это студия очень опытного художника, многие годы создающего произведения искусства: в центре стоит мольберт с картиной, на стенах висят работы разных лет, исполненные в разных техниках живописи, и керамические тарелки, расписанные серебром. За свою долгую творческую жизнь Тамара устроила семь персональных выставок.

Мы садимся на диван и начинаем беседовать. Мой блокнот исписан вопросами, которые я хочу задать Тамаре. Самый первый: почему она заинтересовалась войлоком. Оказалось, интерес к этому виду прикладного искусства у молодой художни-

цы возник вскоре после окончания Тбилисской Академии художеств. Тогда в Национальной галерее состоялась выставка войлочных ковров, организованная творческим объединением «Солани». Из Кахети было привезено большое количество экспонатов. Тамаре так понравились работы народных умельцев, что она приобрела для себя два ковра. У организаторов узнала, где производили изделия, объяснив, что хочет освоить технологию производства войлочного ковра. Ей ответили, что на сегодняшний день этим ремеслом занимаются только в двух селениях — Алвани и Дуиси. По словам Тамары, в Алвани жили люди обеспеченные, у них было много источников дохода: поля, огороды, стада овец ходили до Азербайджана, поэтому войлок был для них не средством заработка, а, скорее, хобби. А в Дуиси была другая ситуация, люди с удовольствием занимались войлоком как ремеслом.

— Село Дуиси расположено в Панкисском ущелье, на берегу

реки Алазани, — рассказывает Тамара. — Это мусульманская деревушка, люди живут там весьма сплоченно. Когда я впервые приехала, меня приняли тепло, они очень гостеприимные хозяева. Со временем мы сблизились, и я часто приезжала туда по работе. Дома в Дуиси небольшие, построены из камня, и войлочные ковры вносят в жилье спокойствие и умиротворенность. В то время я по-грузински говорила не очень уверенно — я же грузинская невестка: мой отец — поляк, мама — наполовину грузинка, наполовину армянка. Местные жители, кистинцы, тоже испытывали трудности с грузинским языком, но мы как-то друг друга понимали. Они видели мою открытость и увлеченность, а я понимала, что они — люди добродушные, доброжелательные, поэтому у нас все получилось. В семье, где я постоянно останавливалась, у меня даже была своя комната. Дочь хозяйки была моей ровесницей, преподавала в школе историю, и мы очень подружились. Позднее, через несколько лет, ее отец как-то сказал сопровождавшим меня людям: «Тамара — моя швильобили». То есть названная дочь. Я приезжала в Дуиси, закупала по 100-150 килограммов шерсти. Подготовка к творческому процессу довольно длительная и трудоемкая. И, естественно, местные женщины помогали мне мыть шерсть, красить, сушить, расчесывать. Требуется много воды, чтобы должным образом помыть шерсть. Это тяжелый труд. Затем все это складывалось в джутовые мешки, которые хорошо проветриваются, и отправлялось на хранение в дом одного состоятельного кистинца, в котором он сам не жил. В этом закрытом доме мне выделили комнату, где я хранила свою «палитру» — шерсть, выкрашенную в разные цвета. Во дворе дома я и работала: привозила свои эскизы, создавала по ним шаблоны, и — начиналось творческое таинство. Когда цветовой монтаж и рисунок были закончены, помощницы помогали мне в откатке шерсти, так как я создавала войлоки больших размеров. Мы откатывали их вручную, это тоже не-

легкое дело. Примечательно, что шерсть во время валянья дает усадку, войлок уменьшается. Почему раньше войлочные ковры были только орнаментальные? Да потому что после усадки орнамент уменьшается, но его цвет и смысл сохраняются. А если делать портрет или какое-то иное изображение, то изображение может исказиться. Ты откатываешь шерсть, валяешь и, в то же время, как бы лепишь – вытягиваешь то в одну сторону, то в другую. Этот исконно грузинский материал дает художнику большие возможности для творчества. Войлок очень пластичный, я даже хотела делать из него скульптуры – делают же войлочные шляпы, сумки. Сейчас мои последователи, бывшие ученики, с успехом работают с этим материалом, а много лет назад, когда я только начинала изучать древние традиции этого ремесла, во всей Грузии нас было всего 2-3 человека, работающих в данном направлении. Я всячески старалась популяризировать войлок, рассказывала о нем в Академии. Грузинское телевидение заинтересовалось моей работой и сняло фильм о создании войлочного ковра. В середине 1980-х годов я с этим фильмом поехала в Ригу, где состоялась моя вторая персональная выставка, которая вызвала большой интерес зрителей и профессиональных художников-гобеленистов. Приехав в Ригу через год, я застала моих прибалтийских коллег, занятых созданием малых войлоков и интересными экспериментами над этим материалом. Это меня очень обрадовало – войлок набирал популярность! С самого начала я прилагала большие усилия, чтобы привлечь к технике войлока наших студентов, они приходили ко мне заниматься, но их несколько расхолаживало, что обработка шерсти – физически тяжелая работа. Конечно, значительно легче взять бумагу, краски и рисовать. А я продолжала заниматься любимым делом. Вскоре стала членом Международной ассоциации художников по войлоку (International Felt makers Association). Писала для их журнала «Echoes» статьи о

грузинском войлоке. Меня приглашали на международные симпозиумы и конференции, я выступала с докладами, проводила мастер-классы. Шло время, и вдруг в середине 90-х годов возник взрывной интерес к войлоку. На каждом перекрытии появились разные войлочные изделия. Правда, не все они лучшего качества, но встречаются очень интересные экземпляры. На сегодняшний день в сувенирных магазинах много хороших изделий: декоративные шарфы, оригинальная одежда, шапочки, сумки, домашняя обувь.

– Правда, что войлок нельзя пробить кинжалом? Или это просто красивая метафора?

– Правда. Его можно так откатать, что он становится прочным, как доска. В старину умельцы откатывали войлоки для разного назначения: для ритуалов, для беременных женщин – на благополучные роды, для больных и немощных – на выздоровление. Существовал любопытный ритуал: мастера делали специальные коврики, на которые сажали детей, раскладывали перед ними разные орудия труда и, в зависимости от того, какой предмет выбирал ребенок, предсказывали его будущую профессию: этот станет пастухом, тот – каменщиком... Для раненых откатывали специальные войлоки, пропитанные лекарственными снадобьями и, перевязав раны, закутывали в них воинов. Особо следует отметить бурку, без которой невозможно представить кавказских пастухов и охотников. Она служила горцам плащом, постелью, палаткой, поскольку надежно защищала от холода. Бурку и сегодня на Кавказе дарят дорогим гостям в знак уважения.

– Расскажите о вашей первой персональной выставке.

– Давид Цицишвили, знаменитый грузинский художник и искусствовед, вместе с Аполлоном Кутателадзе основавший факультет прикладного искусства в Тбилисской Академии художеств, стал крестным отцом моих работ. Он, можно сказать, заставил меня сделать выставку. Дело было так: Давид Николаевич специально пришел к

нам домой смотреть мои работы. Войлоки, как блины, лежали друг на друге: такая внушительная стопка «блинов». Ковры были большими, и мне помогала мой товарищ – мы с ним под-

нимали один войлок за другим. Цицишвили вглядывался в каждую работу и строгим голосом говорил: «Следующий». Одна стопка «блинов» уменьшалась, вторая – росла. А он все молчал и очень внимательно смотрел. Ну, думаю, все, у меня сейчас

слезы потекут. Я не вытерпела и спросила: «Как вы считаете, можно это показать?» – «Девушка, не только можно, а нужно. Время пришло! Вот будет выставка – и я буду ее открывать». Но я была очень стеснительная, сомневалась в своих силах, думала, что мои работы, возможно, еще незрелые и не достойны быть выставленными на всеобщее обозрение. Друзья подсказали: «Пойдешь в Союз художников, скажешь, что хочешь устроить выставку, они придут, посмотрят твои работы». Так я и сделала. Члены худсовета пришли ко мне в мастерскую и вынесли вердикт: «У нас в декоративном искусстве только керамика и гобелены, а теперь будет и войлок. Твоя выставка состоится в Доме художника, на проспекте Руставели». Мне по молодости так страшно стало, но один товарищ подбодрил: «Тебе дали добро авторитетные люди, раз разрешили, значит – можно». Выставку представлял и организовывал Союз художников Грузии, по всему городу были расклеены афиши, разосланы приглашения в ЦК, министерство культуры, горсовет. На экспозицию пришло много зрителей, журналисты, телевизионщики, друзья, родственники. Выставку, как и обещал, открывал Давид Николаевич Цицишвили. Она вызвала интерес во всем городе и имела успех.

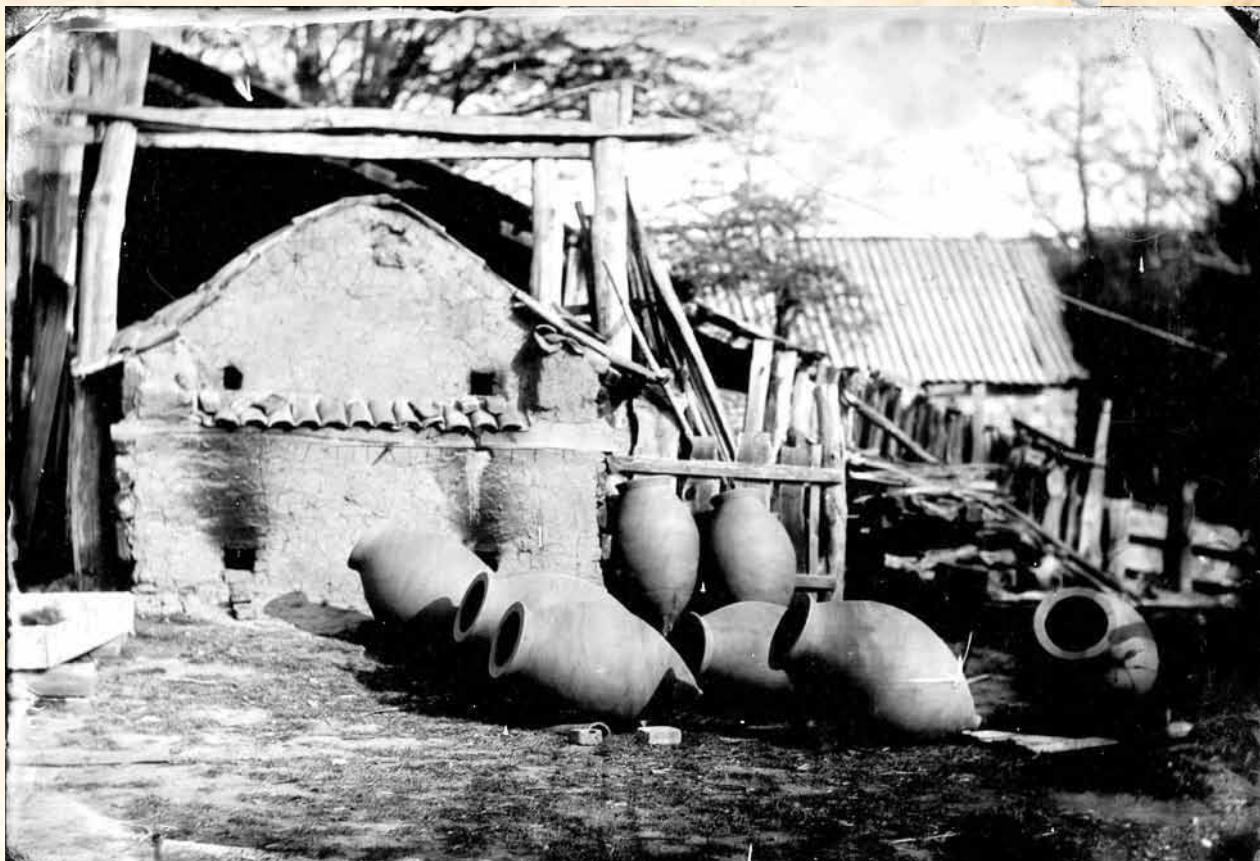
– Помимо войлока, живописи, декоративной керамики, вы занимались и дизайном мебели.

– На протяжении пяти лет я работала ведущим художником по дизайну мебели в конструкторском бюро проектного института мебели Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности Грузии. Не раз доводилось ездить в Москву на ВДНХ, отвозить образцы грузинской мебели на всесоюзную выставку, даже в том случае, если не я была автором эскизов – тут имело значение мое знание русского языка. У меня был авторский проект – спальный гарнитур. Мы должны были запустить его в серийное производство, и всем коллективом долго гадали, как его назвать. Наш главный инженер был родом из Джавахети, и он предложил назвать

гарнитур «Джавахети». Этот спальный гарнитур фабрика выпускала в течение года.

– Вы всегда активно занимались педагогической деятельностью. Вам нравится работать с молодежью?

– Да, очень. После проектного института мебели меня пригласили на кафедру начертательной геометрии и инженерной графики Политехнического института, ныне это Грузинский государственный технический университет. Я обучала техническому рисунку аспирантов строительных факультетов. Мои аспиранты были взрослые люди, и на наши вечерние занятия некоторые из них приходили прямо с работы, подчас очень уставшие. Но, как только приступали к занятиям (особенно их увлекала работа над рисунком интерьера нашей аудитории), настолько увлекались и так старательно работали, что под конец мне приходилось напоминать им – пора идти домой. Как потом выяснилось, работа над рисунком не только позволяла им приобретать определенные профессиональные навыки, но и расслабиться, отвлечься от забот и бытовых проблем. Вообще, на протяжении всей моей творческой жизни я всегда параллельно занимаюсь преподавательской деятельностью. Вот и сейчас – занимаюсь и со школьниками, и с абитуриентами. Готовлю учеников к поступлению в вузы. Все мои подопечные успешно поступают, многие теперь получают образование в ведущих колледжах Англии, Украины, России, Польши, Болгарии. Причем, факультеты самые разные: живопись, дизайн, моделирование одежды, интерьер, архитектура. Один из учеников поехал поступать в Англию и потом рассказал, как его приняли в колледж: «Когда я открыл свое портфолио перед лондонскими профессорами, показал работы, которые делал здесь, под вашим руководством, они поняли, что я уже многое умею, и зачислили без вступительных экзаменов, ограничившись собеседованием». Ну а для меня, как педагога, нет большей радости, чем успехи моих учеников.

Гончарная мастерская Сацабле

ФИЛОСОФИЯ ОДНОГО КАДРА

■ СОБ. ИНФ.

«Иногда меня спрашивают, почему я занимаюсь амбротипией. В разное время я отвечал по-разному, но так или иначе — она стала частью моей жизни. Что-то заставляет меня вновь и вновь составлять растворы, готовить эмульсию, резать стекла и, наконец, затаив дыхание, наблюдать за появлением картинки, сотканной из мельчайших кристаллов серебра...»

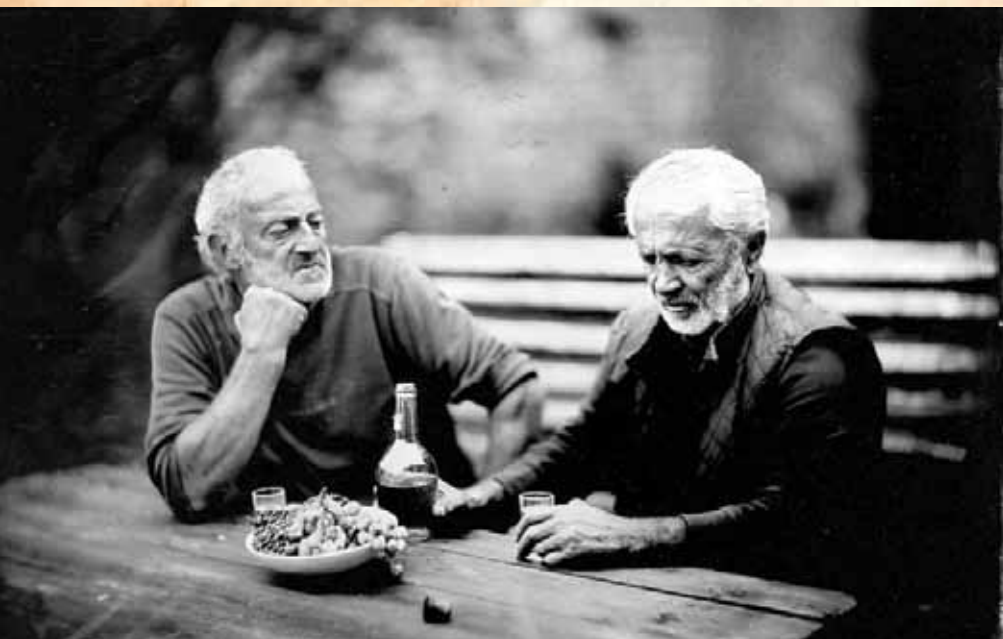
В тбилисской Iart Gallery прошла необычная выставка амбротипии (изобретатель — англичанин Фредерик Скотт Арчер) фотохудожника из Санкт-Петербурга Миши Бурлацкого. Она стала итогом уникальной экспедиции в Грузию.

Из воспоминаний Миши Бурлацкого: «15 сентября 2018 года из двора на Пестеля 13 выехала серебристая Honda «Одиссей». За рулем сидел Андрей Djovani Djo Z. Gelvi, автор идеи и составитель маршрута, а рядом я — Миша Бурлацкий, амбротипист. Впереди были 2500 километров и Грузия, знакомая мне по стихам и кинофильмам. В Тбилиси к нам присоединился Алексей

Суконкин, ставший видеооператором и стенографом экспедиции, и после радушного приема у наших друзей Джемала и Ольги Шатиришвили в гостевом доме «Лоза» в Сагареджо мы отправились в путь. Так начался проект «Проявление» или «Гарегноба» по-грузински. Он проходил вдали от туристических мест, да и фотографии, которые вы увидите, мало похожи на цифровые заметки обычного туриста. Съемка велась камерой Deardorff 810 на алюминиевые пластины размером 8x10 и 5x7 дюймов. Огромное спасибо всем знакомым и незнакомым людям за тепло и помощь в нашем проекте».

Девушка из Сагареджо

Гайоз и Заур из Сагареджо

Впечатления от общения с Мишей Бурлацким оказались для посетителей выставки не менее сильными, чем от его необычных работ. Не часто встретишь такого горящего, увлеченного своим делом человека. Фотохудожник не просто представил экспозицию – он поделился с гостями некоторыми секретами своего «производства», показал процесс изготовления амбротипа, состоящий из четырех этапов: выстраивание света и композиции, подготовка к съемке негатива в лаборатории, проявка, промывка, сушка, сканирование и лакировка. «Особенность процесса в том, что эмульсия на основе коллодия (раствора целлюлозы в эфире) сохраняет свои свойства, пока светочувствительный слой не высох. То есть весь процесс должен занять не более 10-15 минут. Амбротип – это негативное изображение на стекле, но если под стекло подложить темный фон, происходит инверсия – негатив становится прямым, позитивным изображением», – говорится на сайте Бурлацкого.

Амбротипия настолько его увлекла, что ради необходимых условий успешно развиваться в этом направлении Миша Бурлацкий в 2010 году переезжает из Москвы в Санкт-Петербург, организует свой частный «Фотокабинет на Пестеля, 13».

Сегодня, когда существуют уникальные цифровые технологии, интерес Бурлацкого кому-то

покажется чудачеством и ретроградством, но, по словам фотохудожника, «именно эта возможность сразу же увидеть появление реальной физической картинкой, сотканной из кристаллов серебра, делает мокро-коллоидный процесс неким чудом, химическим театром, где фотограф приоткрывает модели закулисы, освещенное красным светом и пропитанное парами эфира».

Серия «Грузинские пластины», представленная в уютной Iart Gallery (радушная хозяйка – Ика Бокучава), запечатлела реальных людей, с которыми встретился Бурлацкий в экспедиции, уникальные памятники архитектуры, деревенские картинки, пейзажи, жанровые сцены. Техника амбротипии создает особый эффект старины, эксклюзивного документа времени и в то же время простоты, безыскусности. Но сколько высокого искусства в этой кажущейся безыскусности!

Завораживает магический взгляд «девушки из Сагареджо», нежно прижимающей к себе птицу, к портрету хочется возвращаться снова и снова. Как и к снимку «Гайоз и Заури», сохранившему для вечности двух бывалых товарищей. Они сидят за бутылкой спиртного и скромной закуской и, наверное, вспоминают дела давно минувших дней. А, может, их заботит день сегодняш-

ний? Лица мужчин задумчивы, печальны. О многом рассказывают и выразительные портреты «Этери из Сацабле» и «Рамаза из Орбели»... Рядом – фотография детей в национальных грузинских костюмах, будто из старинного альбома. Трогает теплый, атмосферный снимок «Леван и Дато. Сагареджо» – на ней человек ласково приобнял своего осла... Умиротворение исходит от портрета отца Иакова из храма Баграти. Подобное настроение рождает многие работы серии – «Абиэль, пилигрим из Иерусалима», «Мастера кевври из Сацабле», «Фридон. Амиранфото. Батуми». Вечность, покой (или печаль?), одиночество – этим ощу-

В Сагареджо

щением наполняешься, когда рассматриваешь «Ткибульское водохранилище», «Река Риони», другие работы автора.

«Что может сравниться с тем, когда пастух из горного селения прямо посреди пастбища наблюдает за появлением ниоткуда серебряной картинкой?» – вопрошает Миша Бурлацкий. Наверное, действительно ничто...

ГРУЗИНСКИЙ БРАТ МЮНХГАУЗЕНА

— **Эмзар КВИТАИШВИЛИ**

Перевод с грузинского
Камиллы Мариам КОРИНТЭЛИ

Как и многие другие, в отрочестве я с увлечением зачитывался необыкновенными, баснословными историями барона Мюнхгаузена. А, будучи в шестом то ли в седьмом классе, на летних каникулах купил небольшую книжку Серго Клдиашвили «Приключения Лахундарели», которую прочел в один присест, не отрываясь. И азнаур Лахундарели сразу же стал одним из моих любимых героев. Я мечтал увидеть автора этой книги, сына великого Давида Клдиашвили, познакомиться с ним и поговорить.

Эта мечта моя материализовалась гораздо позже, когда после окончания университета я начал работать в журнале «Цискари». Я познакомился с батони Серго, который оказался очень интересным собеседником и вообще хорошим человеком. Я, конечно, рассказал ему о моем отроческом увлечении и спросил его об истории написания книжки, которая так меня увлекала. Он вспомнил редактора детского журнала, выходившего в ту пору, то есть в 30-е годы минувшего века, назвал его фамилию, но, к сожалению, я со временем ее забыл.

Редактор был приветливый, доброжелательный человек. Однажды, при встрече с батони Серго в издательстве, он предложил ему написать что-нибудь для журнала. «Идет лето, — сказал он, — ты ведь хочешь вывезти на дачу семью, детей, нужны средства, а что у вас, у писателей есть, давай, напиши для

наших ребят что-нибудь повеселее, мы опубликуем, а тебе я заранее дам хороший аванс». Батони Серго не смог отказаться, получил действительно щедрый аванс и сел за работу. Через месяц сдал приключенческий рассказ. Рассказ очень понравился, и редактор предложил продолжить это повествование о старом дворянине и его муле, но у автора были другие дела, и он уже не смог этого сделать.

Резо Чеишвили с большим почтением относился к большому мастеру и справедливо считал, что Серго Клдиашвили не оценен современниками по достоинству.

Основным прототипом прославленной книги «Приключения барона Мюнхгаузена» является реально существовавший представитель старинного аристократического рода барон Мюнхгаузен. Немецкий литератор, наделенный ярким юмором Рудольф Распе (1737-1794) собрал воедино и обработал невероятные истории, повествуемые бароном, и в 1785 году анонимно издал их в Лондоне, куда переехал. Небольшая по объему книжка приобрела очень большую известность. У немцев существует богатая традиция коротких юмористических рассказов, анекдотов (фаблии, шванки), и анонимная книжка Распе стала столь популярна, что в подражание ей еще один немецкий литератор, известный поэт-романтик Готфрид Бюргер (1747-1794) издал книгу сравнительно большего объема и с гораздо большим географическим ареалом — герой этого произведения объездил чуть ли не весь свет. Некоторые истории из книги Распе Бюргер целиком, без изменений, перенес в свою книгу, некоторые расширил и изменил на свой лад, многое и добавил. Наряду со сценами охоты в изобилии внес морские путешествия, которые напоминают приключения Синбада из

«Тысячи и одной ночи». Герой часто оказывается при дворе турецкого султана, проникает и в его гарем. В некоторых главах можно заметить и влияние Рабле. Местами, ради правдоподобия, встречаются реальные факты и исторические личности.

Бюргер был на 10 лет моложе Распе, но случилось так, что они ушли из жизни в один и тот же год. Примечательно, что оба проявляли особое пристрастие к безграничным просторам России. Барону, обрисованному их пером, который постоянно клянется в правдивости каждой рассказываемой им невероятной истории, чаще всего доводится бывать и совершать героические дела именно в России.

Я, конечно, не стану рассматривать вышеназванные произведения немецких авторов, поскольку моя конкретная задача — изложить свои впечатления и соображения в связи со столь же ярким, насыщенным юмором произведением талантливейшего грузинского писателя Резо Чеишвили «Приключения Шалико Хвингиадзе».

Сразу же надо отметить, что герой Чеишвили со всеми своими историями связан с Великой Отечественной войной 1941-1945 гг. Все нанизано на одну нить, повествование не делится на отдельные главы, оно течет единым потоком. Герою не до беготни по полям и лесам со своей собакой за утками, зайцами, медведями и кабанами. Он по своему характеру, с присущим ему юмором, со своей печалью и грустью совершенно отличный, другой тип. И задача его иная — он должен победить вооруженную до зубов фашистскую Германию, обрушившуюся войной на человечество, должен положить Гитлера на обе лопатки, а это дело не шуточное.

Многие знают о существовании этого произведения лишь по весьма успешно снятому телевизионному фильму, в котором наш талантливый Эроси Манджгаладзе блестяще сыграл роль главного героя. Но этого, конечно, недостаточно, чтобы высветить художественные достоинства и значение замеча-

тельного произведения Резо Чейшвили. Потому я, насколько смогу, постараюсь это сделать.

Война 1941-1945 гг. в Грузии, кроме неизмеримо более значительных последствий, вызвала и появление псевдогероев, которые сочиняли и рассказывали в народе о своих необычайных военных подвигах и о своих якобы значении и роли в победе. В частности, о военном параде на Красной площади в Москве и о влетевшем на белом коне герое повествовал один такой фантазер, которого звали Чипилиа. Рассказы о его военных заслугах передавались из уст в уста. Оказывается, с его участием были выиграны все решающие сражения, и даже победным штурмом Берлина командовал именно он. Подобные басни распространял и не менее комический «герой» Второй мировой войны некий Манагадзе, кутаисец. Он говорил о себе как о великом стратеге и несравненном знатоке военного дела. Поэтому немецкое командование мечтало переманить его на свою сторону. В случае согласия ему якобы обещали дать под начало лучшую дивизию по его же выбору. После кровопролитных сражений фашисты, дескать, по репродукторам зывали на ломаном грузинском языке к этому герою, чтобы он внял их призывам и переметнулся к ним.

Кроме того, в Кутаиси ходила еще одна легенда: будто бы одна из жен Гитлера была грузинкой по фамилии Датешидзе. Резо Чейшвили использовал и эту ничем и никак не обоснованную фантазию, которую, кстати, опровергает его главный герой – Шалико Хвингиадзе.

Произведение начинается спокойным неторопливым описанием зимнего предвечернего пейзажа, когда снежные сумерки вот-вот перейдут в темноту. Стоит та особая тишина, которая бывает во время снегопада. Хлопья снега непрерывно падают на низкие дома из красного кирпича, и для человека, знающего Кутаиси, сразу становится понятным, что это старый окраинный район города, дорогой сердцу Резо Чейшвили, где ему и не хотелось видеть новые вы-

сотные дома. Весь этот пейзаж, столь живописно выписанный автором, создает особый фон и настрой читателя.

Автор заводит нас в один из этих домов и представляет главного героя Шалико Хвингиадзе и его ближайшего соседа и друга, седовласого и седоусого старого железнодорожника Варлама Абуладзе, который года на два моложе него. Оба, Шалико и Варлам, уютно устроились возле железной печки.

Первый же абзац написан так красочно и живо, что мы будто воочию видим, как белое небо спускается низко-низко на заснеженную белую землю, и не можем не залюбоваться черными фигурками нахохлившихся от холода ворон. Эта картина невольно вызывает в памяти зимний пейзаж Брейгеля: «Крупные хлопья снега падали и таяли на отсвечивающих блеклым серебром рельсах железнодорожного полотна. Время от времени громко каркали очень удивленные мерзнувшие вороны, восседавшие на проводах».

Обратите внимание на последнюю фразу переведенного абзаца. Ведь известно, что вороны живут около трехсот лет. А этим, сидящим на проводах, возможно, было где-то лет 150. И они удивлены этим снегопадом, будто в жизни такого не видели.

Да, вороны удивлялись, а вот Шалико Хвингиадзе, бывалый человек, и не такой снегопад видел. Но его тяготят ранние зимние сумерки, тяготят одинокие, долгие, нескончаемые ночи. Ведь он сейчас один, его жена в отсутствии. В ответ на его сетование по поводу погоды Варлам вспоминает, что подобные снежные и долгие зимы бывали в их детстве. Тут Шалико не упускает возможности похвастать. «В такой вот снег и метель я перешел Альпы!» – задумчиво говорит он, и взгляд его устремляется куда-то вдаль. Не надо быть особо догадливым, чтобы понять: Шалико не дают покоя лавры знаменитого фельдмаршала Суворова, который во время войны с Францией в 1812 году перешел Альпы. Кстати, его адъютантом тогда был Петр Багратиони, впоследствии герой Бородина, где он и

погиб. Упоминание Альп для Шалико не было случайным, но это выясняется позже, а пока его друг Варлам пропускает эту фразу мимо ушей и, так сказать, переворачивает пластинку и спрашивает, когда возвращается из Тбилиси его супруга, уважаемая Минадора. Вопрос испортил настроение Шалико, но он этого не проявил. Минадора, ответил он Варламу, помогает сыну и невестке в уходе за детьми, ведь невестка вот-вот защитит диссертацию. Так что он, Шалико, будет в одиночестве коротать бесконечные зимние ночи. Затем он осведомляется, идет ли еще снег, и, выяснив у Варлама, какова погода, выражает беспокойство, мол, нас здесь снегом занесет. Варлам его успокаивает, дескать, скоро придет весна, дядя Шалико. Какой я тебе дядя? – взрывается вдруг Шалико, но тут же остывает и вспоминает, что, когда его призвали в армию, он просидел в Сагорийском лесу два месяца из-за того, что не нашлось обмундирования по его размеру, а за это время, говорит он, фашисты обнаглели и сильно преуспели в продвижении вперед. Однако, когда, наконец он стал в строй, то сразу показал врагам, где раки зимуют. Спор Шалико и Варлама о возрасте заканчивается, и выясняется, что Варлам всего лишь на два года младше Шалико.

А в это время слышался приглушенный снегом стук калитки. Хозяин и его друг глянули в окно и увидели в сгустившихся сумерках, как по выбеленному снегом двору к дому продвигаются две заснеженные мужские фигуры. В одной они сразу признали своего младшего приятеля Автандила, который вел с собой гостя, как мы потом узнаем, Тамаза Кипиани, капельмейстера из Тбилиси. Шалико и Варлам обрадовались пришедшим.

Теперь их стало четверо, а там, где собрались четверо грузин, обязательно накроется стол.

Сперва гости, согласно этикету, осведомились о здоровье друг друга, затем Шалико обращается к Автандилу: не скрывай от меня, скажи, правда ли, что мать Кичи умерла, и если да, от чего она могла умереть? Выяс-

няется, что, ей, как оказалось, было уже за сто лет. Они договариваются вместе отправиться на похороны.

Впервые оказавшись в доме, Кипиани чувствует себя неловко и говорит Автандилу, зачем мы беспокоим этих людей. Автандил же ему возражает, что, во-первых, в эту погоду никто не выпустит гостя без угощения, а уж Шалико так обидится, что и говорить с ними не станет. Шалико и Варлам сразу захлопотали, заверив гостей, что все «мигом устроится».

Автандил обращается к Шалико и спрашивает, помнит ли он такой снегопад в Кутаиси. Шалико, который до прихода гостей жаловался Варламу на снег и вообще на зиму, мгновенно забывает об этом и вспоминает, какой небывалый снег выпал в Кутаиси в пору его юности.

Автандил и Тамаз переглядываются и украдкой улыбаются. Но самые удивительные истории их ждут впереди.

К годовщине смерти Резо Чешвили, в 2016 году, в Кутаиси отдельной книгой были изданы «Приключения Шалико Хвингиадзе» с прекрасными иллюстрациями художника-графика Карло Пачулия. Первейший попечитель творческого наследия писателя, редактор Элгуджа Тавберидзе пишет в своем послесловии к этой книге: «Шалико Хвингиадзе, Мюнхгаузен, грузинского писателя Резо Чешвили, порой оживленный и словоохотливый, порой печальный, не любит современности, не любит, потому что современность — это действительность, зримая и ощутимая. Здесь он бессилён, в настоящем времени он ничего не может, он такой, как все, не отличимый от остальных. Даже снег, сегодняшней снег, так щедро покрывающий землю, ему кажется незначительным. А вот тогда, в прошлом, такой был снег! «Где ты видишь снег?» — с удивлением спрашивает он Автандила. В настоящем его фантазия не может расправить крылья, потому что он и обращается к прошлому, которого в действительности не было, воображаемому прошлому, созданному им самим».

В тот день, видимо побоявшись снежного холода, Шалико не пошел в клуб на занятие хора. Шалико — певец, обладатель прекрасного баса. Один из хористов, Чипа, предположил, что Шалико, вероятно, простудился и заболел. Автандил потому и решил подняться к нему, прихватив с собой приятеля, Тамаза Кипиани. Шалико задело замечание Чипы. Я в жизни не болел, говорит он, правда, зуб у меня однажды разболелся, эту историю я могу вам рассказать, если вам не надоест, батоно Тамаз, — обращается он к гостю, который впервые оказался в его доме. И немедленно отдает распоряжение Варламу — сними с крюка копченый окорок и поставь варить на огонь.

История разболевшегося зуба подобна небольшой новелле, которая придает повествованию особый колорит. Тамаз Кипиани сразу же оживился, приготовился слушать, приложив к горячей трубе ооченевшие ладони.

— Был у меня еще с материнской утробы один дурацкий зуб, который рос как хотел. Еще в детстве, помню, хотели его выдрать, да у зубного врача сил не хватило — сколько ни старался, зуб не шелохнулся, и стоматолог сказал — или из-за зуба мальчонка погибнет, или зуб его погубит. Если этот зуб особо не мешает и никого не пугает, пусть остается на своем месте, а когда ваш сынок подрастет, вот тогда и ведите его ко мне, уж что-нибудь сообразим, либо зуб подпилим, либо еще что-то придумаем. Оказывается, зуб на мою беду прирос к челюстной кости. Ну, что вам долго рассказывать, так и остался у меня этот злополучный зуб, конечно, он меня не красил, но в общем, не очень был виден и не беспокоил. И пока он не разболелся, пока всю душу из меня не вытряс, я к врачу не пошел. Как раз перед началом войны я обратился к Биашвили. Вы его не можете помнить, он был признанным знатоком своего дела в нашем городе. Работал он в Чоме, в психиатрической клинике, и имел зубоврачебную клинику. Не стану утомлять вас долгими разговорами, словом, посмотрел меня Биашвили и сказал так: «Шалико, вырвать этот зуб сможет тебе либо Володя Ишхнэли, либо Коля Квариани, а я

его пальцем не трону. Володя по соседству от тебя лежит на кладбище Сапичхиа, а Коля Квариани где-то в Америке живет, что я могу для тебя сделать?» С тем он меня и выпроводил. Ну я и ушел, что было делать. Вроде бы зуб унялся, вроде не болел, я вздохнул, слава Богу, думаю, но не тут-то было: как накинута на меня боль с новой силой, я разума лишился, взбесился. С той поры я понимаю медведя, когда у него зуб болит. Что мне делать, куда кинуться?! А ведь сказано — нужда и дорогу укажет. Тогда я, милые вы мои господа, взял тонкую стальную проволоку, которую в точных механизмах для крепления зубцов применяют, нашел ее где-то, это не интересно, словом, вышел я на железнодорожную платформу Сапичхиа, как бычок с веревкой на шее, только не веревка, а стальная проволока, и не на шее, а на зубе. В это время должен был прибыть «народный», я это знал, и прибыл он, остановился. Не буду долго рассказывать, я и так запозднился, ну, значит, прикрепил я свободный конец этой проволоки к прицепу, а другой конец к зубу привязан! Сейчас, когда вспоминаю, смеюсь, ведь второй конец к последнему вагону прикреплен! Дали третий звонок, я ноги растопырил и шлепнулся между рельсами. Глаза закрыл и жду, когда поезд тронется. Что-то меня тряхнуло сильно, но я не понял что, стою между шпал раскоряченный, холодным потом обливаюсь, и тут является начальник платформы Сапичхиа (для чего только нужен был начальник этой платформы!), Бурджанадзе по фамилии, а имя его я запомнил. Ухватил меня за руку. «Э-е, парень, Шалико, ты чего делал, из-за этого меня арестуют». Тогда такие строгости на железной дороге были! А что такого, говорю я ему. А он мне: Отпусти этот несчастный поезд — говорит, — мы и так выпали из графика. Оказывается, скользит паровоз по рельсам и ни с места. Словом, тут этот поезд, там мой зуб... Да чему ты смеешься, парень?

— Вы отпустили поезд? — спросил Кипиани. Руки его больше не дрожали, от раскаленной трубы он тоже отошел, впрочем не очень далеко.

— Да что это был за поезд, уважаемый Тамаз! Дряхлые вагоны, обшарпанный паровоз... Я его отпустил, двинулся этот поезд и со скрежетом уехал, а моя проволока...

Честно говоря мне жаль ее стало, даже сердце заняло.

Шалико пожалел начальника платформы, отпустил этот «несчастный» состав с «обшарпанным» паровозом, и стальная проволока уехала вместе с ним. А злополучный зуб во время войны ему «выдрали» в госпитале «противотанковым методом». Можно себе представить, какой хохот вызвала эта история у слушателей. Они украдкой переглянулись, у Автандила даже выпала изо рта сигарета. Однако он все же подумал: «А раньше он иначе заканчивал этот эпизод».

Конечно, кто бы мог усомниться в необычайной выносливости и невероятной сообразительности и смекалке Шалико? Никто не стал бы проверять его зубы. И постепенно его мужество и храбрость становятся все более умопомрачительными.

Вслед за историей с зубом он рассказывает историю, случившуюся с ним в молодости, когда впервые замерзла Риони. Вот тогда Шалико взял в руки кирку и прорубил лед, а было это возле Красного моста. Нырнул он в заледеневшую Риони и вынырнул за Белым мостом, возле «Ялтинского большого камня». И уйма народу глазела на это дело. Очевидцем поразительного заплыва был друг Шалико, Джиджи Алпаидзе, к которому Шалико отсылает за подтверждением истинности своих слов. Однако, как выясняется позже, Джиджи давно нет на свете – он погиб на фронте.

В церемонии накрывания стола главной фигурой является Варлам. Впрочем, он делает все: вносит огромную чугунную сковороду с шипящими в раскаленном жире купатами, расставляет на столе соленья, ткемали и маринады с сельдереем, присматривает за мчади, которые жарятся, а по комнате разносятся ароматы разных трав.

Сам хозяин пока что занят распоряжениями Варламу. Опасаясь, чтобы гостям не было тесно в небольшой комнате нижнего этажа, Шалико предлагает им перебраться на второй этаж, в просторную залу, там хоть коном гуляй. Нет, они предпочитают тесноту и тепло простору холдной залы.

Наконец приходит черед выбора вина. Как истинный имеретин, Шалико не упускает случая похвастать перед новым гостем своим марани. Он сообщает Тамазу Кипиани, что в его коллекции насчитывается двадцать сортов вина. «Из этих двадцати три сорта я улучшил», – рассказывает он. И тут же говорит Варламу, что одно, мол, снял со списка, оно скисло. Его он отставил в сторону. В итоге он выставляет на стол два сорта и ожидает решения гостей. Тут выступает Варлам, который, как говорится, тут же продает своего друга:

– Выбрать обязательно нужно, – проговорил Варлам, – потому что из этих двух одно настоящее, а другое на чаче настояно. Правда, кроме этих двух вин у него никаких других нет и сроду не бывало, но и за сахарным он так смотрит и так с ним носится, хранит его так, как и настоящее вино, просто удивительно! Если как следует не распробуешь, то ничего не разберешь.

Варлам сказал истинную правду. Шалико некуда было деваться, и он прибегнул к хитрости. Он убирает кувшин с подозрительным вином. Становится ясно, что «вино на каждый день» было выставлено лишь для создания впечатления, а для дорогих почетных гостей на стол он бы его не подал. Затем Шалико затаскивает в комнату обитое кожей сакарцхули*, усаживается в него, как положено по местным законам, и приступает к обязанностям тамады. Согласно вековым традициям, которым Шалико верен, он провозглашает первый тост – за хозяйку дома, верную супругу Минадору, хранительницу очага, воспитательницу детей и внуков, благодатного человека. Присутствующие благословили основу семьи. Оказывается, Минадора и Шалико хотела переселить в Тбилиси, и дети ему настоятельно советовали продать дом и двор в Кутаиси и переехать, но Шалико наотрез отказался: «Здесь я родился, здесь меня и похоронят», – сказал он.

* Деревянное кресло, украшенное резьбой, в которое садится глава семьи, прим. пер.

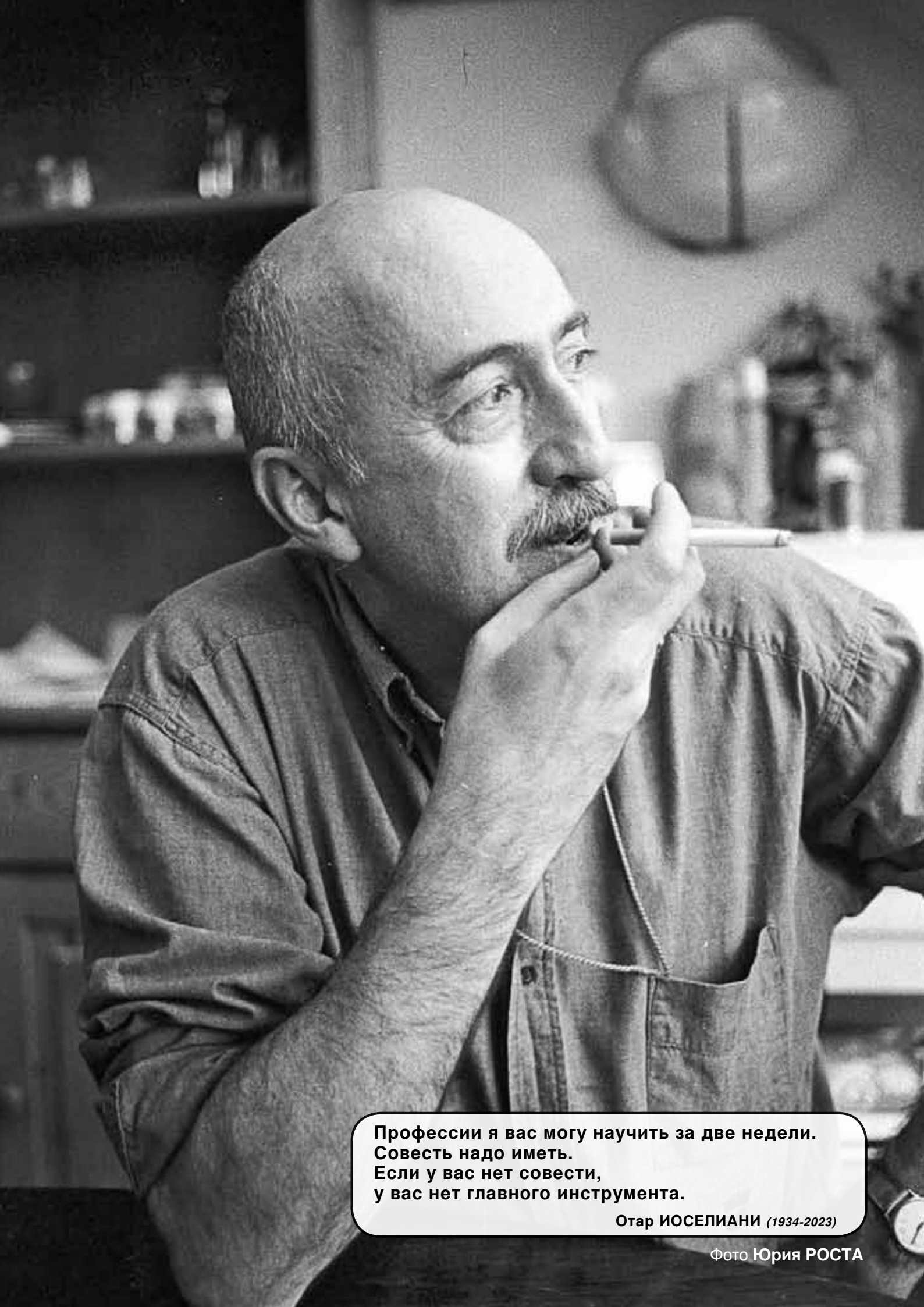
Когда Резо Чеишвили присматривался к людям, он запоминал их внешность, движения, особенности речи и прочие характерные черты. Однако он создавал не портрет той или иной личности, а художественный образ на основе реально существующих особенностей. И его герои обретали плоть и самобытность. В период учебы в университете мы с Резо Чеишвили вместе посещали занятия по военному делу, и наши преподаватели, бывшие фронтовики, хорошо нам запомнились.

Чаще всего занятия проходили в ущелье протекавшей близ университета речки Верэ. Там, на лоне природы, преподаватели обучали нас, как разобрать и заново собрать оружие, и прочим премудростям. Параллельной с нами группой руководил боевой полковник, сван Фангани. Однажды мы узнали от сокурсников, что Фангани им рассказывал, как мужественно переплыл Одер и вышел на противоположный берег. В заключение, указав на нашего преподавателя, невысокого вспылчивого Тарасия Джаши, он сказал: «Таких вот мелких полковников река унесла». Джаши в долгу не остался и заявил: «Куда ему Одер переплывать, он плавает, как топор». Мы, конечно, смеялись.

Помню элегантного Ладю Шогирадзе, с поредевшими волосами, но стройного, всегда подтянутого. Он тоже был не прочь похвастать. Как-то раз кто-то из студентов спросил его, не представляли его к званию Героя, на что он ответил, что да, один раз, но, приятель, везде нужна «спина». В молодости он играл в футбол в составе престижной команды. Когда его спросили, под каким номером он играл, он ответил – загляните в довоенные газеты и узнаете, под каким номером и как я играл. А однажды речь зашла о литературе, и Ладю Шогирадзе, неожиданно для нас, признался, что больше всего любит произведения Михаила Джавахишвили, чье имя тогда все еще находилось под запретом.

В некоторых рассказах Резо Чеишвили я не раз узнавал различные фразы наших преподавателей, конечно, преобразованные в той или иной степени.

(Окончание следует)

**Профессии я вас могу научить за две недели.
Совесть надо иметь.
Если у вас нет совести,
у вас нет главного инструмента.**

Отар ИОСЕЛИАНИ (1934-2023)

Фото Юрия РОСТА

Памятник Владимиру Высоцкому работы Зураба Церетели.
Московский музей современного искусства